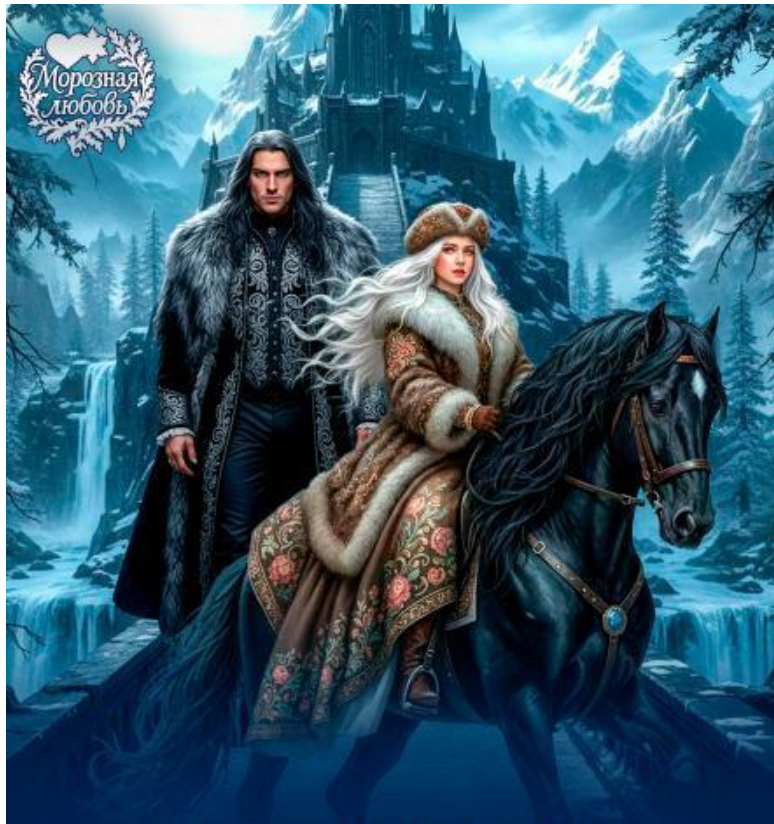

МАРГАРИТА АБРАМОВА

ОТВЕРГНУТАЯ НЕВЕСТА ДЛЯ СИНЕЙ БОРОДЫ

Маргарита Абрамова

Отвергнутая невеста для Синей Бороды

<https://litres.ru/74204903>

Аннотация

Обычная жизнь Айрис разбита в одночасье. Когда в её дом явился королевский гонец, она и представить не могла, что в её жилах течёт древняя магия Ледяной Розы — дар, способный остановить вечную зиму, губящую королевство. И теперь Айрис должна стать невестой жестокого и проклятого короля Авинуса.

Спасаясь от одного чудовища, Айрис попадает в объятия другого — к его брату, чьё прошлое покрыто мраком. К тому, кого в народе шепотом зовут Синей Бородой и обвиняют в загадочной смерти двух предыдущих жён.

✱# Книга участвует в литмобе "Морозная любовь" ✱#

Содержание

ГЛАВА 1	4
Слова Автора	13
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	30
ГЛАВА 5	39
ГЛАВА 6	49
ГЛАВА 7	59
ГЛАВА 8	72
ГЛАВА 9	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

ГЛАВА 1

АЙРИС

— Отец! — отчаянно воскликнула, — Пожалуйста. У меня уже есть жених!

— Мы не можем отказать королю. Королевству нужен твой дар, иначе... Иначе мы все погрузимся в вечную зиму.

— Жили же как-то все это время без него?! — выпалила я, отчаянно цепляясь за логику, которая сейчас казалась такой зыбкой.

Я понимала, о чем говорит отец. Пятый год дела ухудшались, зимы становились все длиннее и суровее, а лето — коротким и хмурым. Урожаи гибли, а в сердцах людей поселился страх. Ледяных роз рождается очень мало. И вот в королевстве, отчаявшись, начали искать девушек с подходящей кровью.

Проверяли всех незамужних девушек, даже простолюдинок. Король издал приказ, дающий его гонцам право входить в каждый дом для проверки. Ходили слухи, что его личная ведьма создала специальный артефакт — кристалл, способный определить в девушке сокрытый, такой желанный для спасения королевства дар.

Вчера делегация заявила и к нам.

Я спокойно вышла. Они проверили нет ли еще в доме девиц, будто кого-то могли спрятать. Молодой мужчина в си-

нем с серебряной вышивкой камзоле, с холодным безразличным лицом, и трое королевских стражников в латах, выглядевших совершенно неуместно и громоздко в нашей тесной гостиной.

Гонец достал кристалл в форме розы и протянул мне, чтобы я к нему прикоснулась.

— Айрис Торн? — спросил гонец, но сам даже не представился. Я кивнула, язык будто прилип к гортани. Отчего-то накатило волнение. Он достал из бархатного чехла тот самый артефакт — кристалл размером с кулак, вырезанный в форме бутона розы. Материал был мутно-белым, похожим на заиндевевшее стекло. Безжизненным.

— Прикоснитесь, — коротко приказал он, протягивая кристалл.

Я ошарашенно смотрела за тем, как едва мои пальцы коснулись холодной поверхности, кусок «льда» преобразился. От точки соприкосновения пошел сложный, переливчатый узор. Кристалл просветлел изнутри, наполнился внутренним голубоватым сиянием. Лёд ожил. Лепестки зашевелились, развернулись, и в ладони гонца превратился в настоящий цветок. От него исходил легкий морозный аромат свежести и силы.

Стражники замерли. Гонец изменился в лице, его глаза расширились, отражая изумление. Он медленно, почти благоговейно поднял взгляд на меня, и в его холодной официальности появилась смесь трепета и торжества.

Я же стояла еле жива... Не веря в то, что происходит в реальности. Откуда этот дар у меня?!

Этот прекрасный цветок в моих руках был не подарком. Он был печатью. Приговором. Началом конца моей прежней жизни.

Моя мать была аристократка, хоть и не слишком богатого рода, но она отказалась от титула, от своей прежней жизни, полюбив и выйдя замуж за простолюдина.

— Чтобы сказала мама, узнав, что ты продаешь меня как племенную кобылу?! — яростные слова срывались с уст, желая причинить отцу такую же боль, которую сейчас испытывала, — Ты предаешь все, ради чего она жила!

— Айрис... Тебя пожелал в жены сам король. Это не просьба, — пытался достучаться до меня отец, — Отказа не существует.

Но я не желала слушать.

Еще вчера у меня была спокойная, нормальная жизнь. Я собиралась через несколько месяцев замуж за Уила. Он только получил должность в королевской службе, и мы с радостным нетерпением строили планы, откладывая свадьбу до весны, чтобы сыграть ее под цветущими вишнями. А теперь выходило, что все наши мечты рухнули в одночасье.

— Мама что-нибудь обязательно придумала, а ты...

— Завтра утром приедут гонцы. Собери только самое необходимое. Как невесту короля тебя всем обеспечат.

Я выбежала, громко хлопнув дверью!

Нет-нет-нет! Я бежала, глотая горячие слезы. Задыхаясь от горя и собственного бессилия.

Я не могу просто сдаться! До утра еще есть время — долгая, тревожная ночь, и я обязана найти способ все исправить... Уилл. Мне нужно найти Уилла.

Я не собиралась становиться женой короля Авинуса! Сама мысль вызывала леденящую дрожь.

Король не стар, но выглядит... как боров.

Но дело не только в его внешности!

Все же знают, что род черных драконов мало того, что жесток, так еще и проклят! На старшем брате, Дариане, это проклятье проявилось в полной мере! Его в народе за глаза зовут Синей Бородой. Шепчутся, что он убил двух своих жен при странных обстоятельствах, а наследника так и не оставил. Он сам добровольно отрекся от власти в пользу младшего, и «сбежал» в свой северный замок, и живет там затворником!

А как же мои чувства?!

Я не хочу!

Все это чудовищная ошибка! У меня не может быть никакой магии!

Уилл нашелся во дворе за своим домом. Как обычно, если уже помог матери по домашним делам, тренировался с мечом, нанося ровные, выверенные удары по воображаемому противнику. Его отец, бывший королевский лесничий, давно умер, упав с обрыва во время осенней бури, и бремя ответ-

ственности свалилось на его пятнадцатилетние плечи. Ему пришлось возглавить семью, стать главным мужчиной в доме.

Мать работала на двух работах, ведь в семье было еще двое детей: близняшки Аурика и Арон, которым только исполнилось семь лет.

— Айрис, что случилось?! На тебе лица нет, — он мгновенно прекратил упражнение, воткнув меч в мерзлую землю. Его лицо, обычно сосредоточенное или устало-спокойное, исказилось беспокойством.

А меняхватило лишь на то, чтобы, спотыкаясь на неровностях утоптанного снега, добежать до него и разревется на его груди, в грубый, пропитанный потом и запахом древесины дублет.

Он обнял меня, прижимая крепче к себе.

— Ну-ну... С отцом поругалась?

С отцом в последнее время мы действительно часто не находили общий язык. Но сейчас все в разы хуже.

— Уилл... — его имя сорвалось с губ хриплым шепотом, а дальше слова застряли в горле, зацепившись за болезненный спазм страха и абсолютного неверия в происходящее.

Он дотронулся до моего подбородка, осторожно приподнимая мою голову, заглядывая в затуманенные слезами глаза.

— Что такое, милая? Говори. Что бы ни случилось, мы как-нибудь переживем. Вместе, — произнес он, и в его сло-

вах была та твердая уверенность, которая всегда меня успокаивала.

— Они нашли во мне этот дар, Уил, — прошептала, и мой голос звучал чужим, плоским. — Этот проклятый кристалл... он ожил в моих руках. Превратился в цветок. Все видели. Завтра за мной придут.

Я наблюдала, как понимание, а за ним и ужас медленно затопляют его лицо.

«Дар Ледяной Розы» означал конец. Конец нашим тихим прогулкам в лесу, нашим разговорам у ручья, нашим планам на скромную свадьбу в маленькой часовне, ради которой он так рьяно брал любую, даже самую черную подработку и копил каждую монетку.

Уил лишь протяжно выдохнул и прижал меня к себе, сжимая в крепких объятиях.

Стало легче. Немного согрелась в его руках.

— Давай сбежим... — предложила единственное возможное решение.

Не нужно терять времени. Нужно отправляться прямо сейчас, чтобы нас не догнали!

— Сегодня же. Мы возьмем только самое необходимое — еды, теплые плащи. Уйдем через старую мельницу в Черный Лес, а оттуда — к южной границе. Говорят, там зима не такая лютая.

— Айрис... я не могу, — его голос прозвучал приглушенно, уткнувшись в мои волосы. — Ты же прекрасно знаешь,

матери нужна помощь. Близнецы... Арон с его больными легкими, ему каждую зиму нужны дорогие травы, Аурика, такая хрупкая... Если я исчезну, их лишат моего жалования из королевской службы. Мать одна не выдержит, она надорвется. А за укрывательство невесты короля... — он недоговорил, но я прекрасно понимала, что его честь, долг и любовь к семье были клеткой, прочнее и страшнее любой тюремной решетки.

Мне хотелось эгоистично выкрикнуть: «А как же я? А наша любовь? Ты же обещал, что ничто нас не разлучит!». Но я лишь проглотила горький, соленый ком обиды и отчаяния.

— Я люблю тебя, — прошептал он, как будто читая мои самые черные мысли, — Клянусь памятью отца, я люблю тебя, Айрис. Но дар ледяной розы... это подарок небес! Это шанс для всего королевства. Для моей матери, для близнецов, для каждого, кто в эту зиму может замерзнуть или умереть с голоду. Ты... теперь наше спасение. И я не имею права, не могу украсть это спасение у всех ради своего счастья. Даже ради нашего. Это было бы... чудовищно.

— Нет! — я вырвалась из его объятий, отступив на шаг. — И ты просто так меня отдашь другому мужчине? Я не хочу быть спасением! Я не одна роза на все королевство! Уверена, что они найдут другую, настоящую! А мы... мы должны... — я не решилась проговорить этот отчаянный, бесчестный план вслух, он созрел в голове и сжег мне щеки волной стыда и безысходности.

Вместо слов я прильнула к его губам, вкладывая в поцелуй всю мольбу, весь протест и самую суть моего немого предложения.

Королю нужна невинная невеста. Иначе быть не может. Дар может активировать и принять в свою кровь только дракон. Проведя ночь с простым мужчиной, магия рассеется! Сильный дракон своим внутренним огнем распаляет розу, и ее дар усиливается.

Этот поцелуй был моей попыткой все испортить, осквернить дар, сделать себя ненужной.

Уилл окаменел. Не резко, но уверенно отодвинул меня от себя, держа обоими руками за дрожащие плечи, словно я внезапно стала прокаженной, носителем святотатства, которое нужно удержать на расстоянии.

— Айрис, нет. Нет, — его голос дрогнул. — Твой дар... он слишком ценен. Священен. Нельзя им так распоряжаться, как... как расходным материалом! Это... это кощунство. Грех. Богиня разгневается на нас. На весь наш род, на все королевство. Мы навлечем беду еще страшнее этой зимы!

Он говорил с искренней, глубокой верой человека, выросшего на суровых легендах и древних суевериях, для которого мир духов и предков был так же реален, как земля под ногами.

Но, похоже, она и так на меня разгневана! Что я сделала не так?! Чем провинилась перед богами или судьбой?!

Внутри все кричало от несправедливости. Я никогда не грезила стать исключительной, не засыпала с дурацкими мечтами выйти замуж за принца. Я просто хотела любить и быть любимой. Чтобы у меня была обычная, простая семья, в которой царит не показная гармония, а теплое, ежедневное счастье. Свой маленький дом, свой очаг, своих детей, смех которых будет самым прекрасным звуком в этих стенах. Что еще, что еще нужно простому человеку для счастья?!

Почему сама судьба, в лице какого-то холодного кристалла и равнодушного гонца, решила, что мне предназначено большее? Или, что куда страшнее, — стать разменной монетой, живым сосудом для чужой магии и чужих амбиций?

Слова Автора

Дорогие мои!

*Рада приветствовать вас в своей истории!
 Будем
всесте плавить лед между героями! Точно будет горя-
чо и эмоционально!
 Нас ждет много тайн, сложных
решений, все как мы любим))))*

*
 Так что знакомимся:
 Айрис Торн:

 Дариан Уоррен:

*

ГЛАВА 2

АЙРИС

Храм Вечного Льда был высечен из цельной глыбы голубоватого мрамора, а его шпили взмывали заостренными кристаллами высоко в небо.

Стены храма были покрыты древними фресками, изображающими королей-драконов и их невест. Мужчина дарит девушке розу, символ ее дара. Сегодня здесь должна была продолжиться эта летопись.

Я стояла перед алтарем, еле дыша от тяжести платья. Оно было сшито из серебристого бархата, оторочено горностаем и усыпано кристаллами, имитирующими лед. Платье стоило целое состояние, и хоть и было на самом деле легким, мне казалось, что оно весит, как доспехи.

Но, конечно, истинная причина моего волнения была в другом.

Тонкая кружевная вуаль фаты скрывала мое бледное лицо. А руке, спрятанной в складках ткани, я сжимала маленький, но невероятно острый обломок черного обсидиана.

То, что я планирую сделать, может стоить мне жизни... Но иначе я не могла.

После разговора с Уиллом, я вернулась домой раздавленная и опустошенная. Мысли о побеге не покидали, но пре-

красно понимала, что одной мне ничего не удастся.

Отец видел, что я вернулась, но молчал. Он наверняка понял где я была. Точнее, у кого... и, возможно, даже надеялся, что Уилл уговорит меня смириться, сделать «разумный» выбор.

— Богиня, прошу! — взмолилась я поздно вечером, — Укажи мне знак...

И мне действительно приснился сон. Я стояла в абсолютной пустоте, а передо мной возвышался столп из чистого черного обсидиана, поглощавший любой свет. Не помню, откуда мне это было известно, но я знала его тайные свойства.

Я вскочила ночью, вглядываясь в темноту ночи за окном. Это был знак! Богиня тоже против этого союза!

Я, как была, босая, в одной ночной рубашке, выскользнула в коридор. Я точно знала, где мне раздобыть нужный камень. У мамы в её шкатулке хранилась коллекция диковинок: странные ракушки, необычные камушки и несколько кусочков минералов. Среди них был и обсидиан — «слёзы вулкана», как называла его мать. Я крадучись пробралась, отыскала шкатулку и дрожащими пальцами выудила острый, холодный осколок.

Теперь этот осколок лежал в моей ладони, обещая спасение. Но у всего есть цена... И я была готова ее принести.

Король Авинус возвышался рядом. Он не был уродлив, но его массивность внушала не уважение, а отторжение. Широкое лицо, жировые складки подбородка пыталась безуспешно

но скрыть короткая борода, маленькие глазки, которые оценивающе скользнули по мне.

Он выглядел таким довольным, даже самодовольным, предвкушая не столько брак, сколько окончательный акт легитимации своей власти. Для него я была не женщиной, а живым символом.

Обычно на подготовку королевской свадьбы уходят месяцы. Мне же дали всего три дня. Ничтожно мало.

Заперли в замке, как пленницу. Каждый день ко мне приходила одна и та же женщина. Та самая ведьма, личная советница короля. Она просто садилась напротив и начинала читать монотонным голосом древние молитвы и заклинания очищения, активации дара. Она должна была прочесть положенный за месяц ритуал в ускоренный срок. Со мной она не разговаривала, только иногда поднимала на меня свои черные, пугающе глаза.

Сам же Авинус почтил меня своим присутствием лишь один раз. В самый первый день моей «подготовки». Он вошел без стука, заполнив собой дверной проем. Взял мою руку и поцеловал ее влажными, толстыми губами, от которых на коже осталось неприятное, липкое ощущение. Затем оглядел свою «жертву», что-то говорил про то, что мне несказанно повезло, как и ему. О том, что Богиня ему благоволит! И что он все же истинный король, раз Ледяная роза скоро станет его женой.

От него пахло вином и специями для мяса.

И сейчас с его лица не сходила улыбка.

Его фигура в тяжелых черно-золотых одеяниях казалась еще более громоздкой на фоне изящных фресок. Венчальная мантия, отороченная мехом черного лиса, лежала на его плечах и добавляла объема.

Я не могла представить себя его женой. Не могла представить его прикосновений, его близости.

Как я могу лечь с ним в постель? Он же меня раздавит...

Картины, одна страшнее другой, проносились перед внутренним взором: его массивное тело, нависшее надо мной, как глыба, запах вина и пота...

Я пошатнулась, ноги еле держали...

Звон в ушах нарастал, заглушая торжественную музыку.

Скорее бы все закончилось.

В первом ряду, среди моря безликих аристократических лиц, сидел человек, чей вид заставил кровь стынуть в жилах. Принц Дариан, прозванный Синей Бородой.

Авинус то и дело переводил взгляд с меня на своего брата. У них явно какие-то им одни известные личные счета.

Лицо Дариана хранило ледяное, отрешенное спокойствие, а глаза, цвета зимнего неба, были пусты. Он смотрел на церемонию, словно на неизбежную рутинную процедуру, не выражая ни интереса, ни злобы. Никак не реагировал на взгляды брата, или, по крайней мере, прекрасно это скрывал.

Наступил кульминационный момент. Верховный Жрец, древний старец поднял с алтаря «Кристалл Чистоты» — древний артефакт в виде сферы из горного хрусталя.

Сейчас всё решится.

Считалось, что он может выявить потенциал дара невесты и ее пригодность для передачи магии королевской крови.

— По древнему обычаю, невеста, рожденная с благословением Льда, должна прикоснуться к кристаллу и вложить в него свое намерение, — провозгласил жрец, и его голос эхом разнесся под сводами. — Кристалл явит истину дара.

Все замерли. Авинус смотрел на шар с плотоядным интересом. Я почувствовала, как обсидиановый осколок впицается в ладонь. Сделав шаг вперед, положила дрожащую правую руку на холодную поверхность шара, сосредоточившись на одной отчаянной, лживой мысли, подкрепленной физической болью от пореза: «Я не чиста. Мой дар осквернен. Я недостойна».

Кристалл дрогнул. Вместо ожидаемого чистого, яркого сияния или нежного узора ледяных роз, из его глубины выползли мутные, грязно-серые волны. Они переплелись, потемнели, и в центре сферы на мгновение возникло искаженное изображение увядшего, почерневшего цветка, который рассыпался в прах. Раздался приглушенный вздох ужаса и возмущения в зале.

Жрец ахнул и отпрянул, словно обжегшись. Лицо короля Авинуса изменилось мгновенно. Холодная расчетливость

испарилась, ее сменила бешеная, багровая ярость. Его маленькие глазки загорелись свирепым огнем.

Он схватил меня за запястье с такой силой, что хрустнули кости.

— Ты смела явиться сюда, оскверненная, и надеяться стать королевой?! Предала своего короля и все королевство!

Стиснув зубы от боли, не опустила глаз. Внутри нее все ликовало от ужасной победы. Сработало!

— Казнить! — прошипел кто-то из свиты.

Я закусила губу. Казнить ледяную розу, пусть даже и нечистую значило бы навлечь на себя беды. Суеверный Авинус, твердивший о божественном благословении, не посмеет.

— Нет, — сказал он громко, обращаясь ко всему храму. — Казнь была бы милостью. Но осквернение священного артефакта и воли короны требует иного искупления. — Он повернулся к Дариану, который медленно поднял на него свой тяжелый взгляд.

— Брат, — он обратился к нему, — Ты, чей дом пуст, а долг перед династией не исполнен. Корона дает тебе эту женщину. Возьми ее. В жены. Пусть разделит твое... уединение в Северной Цитадели.

В зале воцарилась гробовая тишина, более страшная, чем крики. Все поняли. Это был не брак. Это был смертный приговор, оформленный по всем правилам этикета. Отдать «испорченную» невесту брату-изгою, жены которого таинственно гибли. Это изящное, жестокое решение.

Ужас сковал меня. Я понимала, что на мою выходку не будут закрыты глаза, ведь я предала самого короля. Но в глубине души надеялась, что меня сошлют в монастырь или на окраину. Раз сама сбежать не могу, то заставлю их отправить меня из дворца.

Я рассчитывала, что король от меня откажется, так королева обязана быть чистой.

Любую другую женщину, обманувшую короля, действительно ждала бы плаха. Но не ту, в ком признан древний дар. Я рассчитывала на его страх перед высшими силами больше, чем на его милосердие.

Но такого чудовищного поворота я не ожидала!

Не для того я все провернула, чтобы перейти из одних лап прямо в лапы к другому, более загадочному и, возможно, куда более опасному дракону.

Перевела взгляд на Дариана. Он же не согласится?! Правда?!

Мужчина был зол. Это было видно несмотря на всю его ледяную оболочку. Маска хладнокровия трещала по швам: скулы заострились, пальцы, лежавшие на колене, сжались в кулак. Он медленно, будто против собственной воли, поднялся со своего места, испепеляя взглядом Авинуса. Меня же даже взглядом не удостоил, словно я пустое место, а не виновница всего этого хаоса.

Они схлестнулись взглядами. Тишина натянулась, как тетива. Казалось, еще мгновение — и Дариан швырнет этот

«дар» обратно в лицо королю, обрушив на него всю тяжесть своего презрения.

Но затем что-то изменилось. Ярость в его глазах не угасла, но отступила, уступив место чему-то другому, похожему на усталость.

— Как прикажешь, Ваше Величество, — произнес Дариан наконец. Его голос был низким и глухим. — Долг перед династией... да. Я принимаю этот щедрый дар короны.

Что?! Нет!!! В груди все сжалось и сердце ухнуло куда-то в пропасть!

ГЛАВА 3

АЙРИС

Дариан сделал несколько неспешных шагов вперед и занял место рядом со мной, там, где только что стоял Авинус. Но его присутствие было иным — не давящим, а сковывающим, как мороз, сжимающий всё живое. Он не смотрел на меня, а поверх гостей, будто церемония уже закончилась, а мы с ним остались одни среди этих стен.

Было похоже, что он ведет внутренний диалог с собой.

Он возвышался надо мной на целую голову. Чтобы посмотреть в темно-синие глаза грозового неба, которые я мельком уловила, мне пришлось бы запрокинуть голову. Но я не решалась.

Я сделала глубокий вдох, воздуха не хватало... Все это время еле дышала.

Наконец, Дариан посмотрел на меня.

Его взглядом можно было крошить лед. Теперь и мне досталось доля его презрения. Надо признать, что абсолютно заслуженная. Ведь я своими действиями, сама того не желая, впутала его. Но как можно было предположить подобное?! Да, все знают, что у братьев сложные отношения, но это переходило все мыслимые границы!

Он — старший, добровольно отдавший корону. Теперь он был вынужден подчиниться приказу младшего брата на гла-

зах у всей знати. Но мне казалось, что если кто и мог отказать королю, так это он! От него веяло силой и опасностью. Дариан, даже в своем молчаливом гневе, больше походил на истинного правителя, чем самодовольный боров Авинус. Драконы болезненно относятся к своей свободе и воле.

Но если рассматривать с другой стороны... ведь Авинус просто наказывал меня его руками. Дариан теперь выступал моим палачом поневоле. И к утру меня, как и его предыдущих жен, может не стать.

Лучше уж так... Чем быть женой Авинуса. Ночь с ним я все равно бы не пережила.

Жрец, верховный хранитель традиций, казалось, вот-вот лишится чувств. Он беспомощно смотрел то на Авинуса, то на Дариана, не зная, как продолжить. В священных свитках не было главы «Что делать, если невеста осквернена, а жениха меняют на ходу».

Служитель дрожащими руками, взял Символ Союза — два переплетенных обруча из белого золота и черного серебра, символизирующих лед и пепел дракона. Обычно их возлагали на головы жениха и невесты под пение хора. Но хор сейчас молчал, в храме царила гробовая тишина. Никто не знал, как себя вести.

— Пусть... связи, освященные волей... — забормотал он, запинаясь, и поднял первый, более массивный обруч над головой Дариана, еле слышно прошептав благословение Богини.

Тот чуть склонился, и жрец, словно боясь обжечься, возложил мужской обруч ему на темные волосы. Он означал назначение главой новой семьи. Второй же, более изящный, жених должен был возложить на невесту сам, в знак принятия ее под свою защиту.

Дариан взял его из рук жреца и повернулся ко мне. Он холодно скользнул взглядом по моему лицу, скрытому фатой, а затем он опустил обруч мне на голову, поверх кружев. Его пальцы лишь на долю секунды, случайно, коснулись моих волос у виска. Прикосновение было мимолетным, но от него по коже пробежали мурашки — не от страха, а от странного осознания связи, которую теперь нельзя было разорвать.

Затем настал момент клятв. Жрец, уже смилившийся с попранными канонами, было начал произносить стандартные, заученные наизусть слова о верности и любви до гроба, как Дариан оборвал его, даже не повысив голоса:

— Я принимаю то, что дано короной, — произнес он четко, — И несу за это ответственность. Отныне.

Жрец испуганно повернулся ко мне, ожидая хоть какого-то звука. Я открыла рот, но слов не было. Только ком в горле. Я лишь молча кивнула, чувствуя, как обруч на голове давит все сильнее. Мое молчание стало моей клятвой.

Следующим актом шла Печать Домов — оттиск родовых печатей жениха и невесты на одном пергаменте, который затем сжигали в пламени вечного огня, а пепел развеивали над священным озером, символизируя нерасторжимость союза

перед лицом предков.

Церемониймейстер, бледный как смерть, поднес к Дариану печать. Это была королевская печать Авинуса — другой просто не было подготовлено. Дариан на миг задержал на ней взгляд, и что-то опасное мелькнуло в его глазах. Дариан прижал её к воску, его движение было резким, с силой. Затем он взял мою руку, его пальцы обхватили моё запястье и также твердо приложил мою руку к тому же воску, поверх оттиска его печати. Наш союз был скреплен.

Финальным актом церемонии, по обычаю, должен был стать поцелуй, скрепляющий клятвы. Но его не было. Даже жрец не осмелился о нем напомнить. Вместо этого Дариан вновь обернулся к алтарю и, ко всеобщему изумлению, опустился на одно колено. Но не перед жрецом или богами. Он склонил голову, коснувшись кончиками пальцев пола. Это был древний, забытый жест воина-изгнанника, отдающего долг земле, на которую его теперь вновь изгоняют, но уже с новой ношей.

Затем он поднялся, отряхнул колено от несуществующей пыли с таким видом, будто стряхивал с себя всю эту церемонию, и, не оглядываясь ни на кого, сделал мне безмолвный знак головой к выходу.

Не было ни музыки, ни поздравлений, ни ритуального шествия к выходу. Было бегство двух теней из храма, в то время как прежний жених, король Авинус, уже повернулся спиной и с громким, довольным смехом что-то говорил своим при-

дворным, попивая вино из кубка, который ему тут же поднесли.

Я так надеялась избежать замужества. Но все обернулось крахом. Я была уверена, что богиня не допустит этого, но оказалось, что я ошибалась. Мне уготовлена другая незавидная участь.

Муж шел размашистым шагом, я еле поспевала за ним. А потом и вовсе перед глазами все поплыло.

Вдруг стало слишком много воздуха. Он врывался в лёгкие ледяными, режущими порциями, но не приносил облегчения. Или всё дело было в переживаниях, в крушении всех надежд... Сейчас они лавиной вырвались наружу, сметая под собой последние силы.

Церемония завершилась, теперь я жена одного из самых опасных мужчин в королевстве.

Ноги, и без того дрожавшие, окончательно перестали слушаться, стали ватными. Сердце гроыхало где-то в горле, пульсируя в висках болезненными ударами. Земля ушла из-под ног, сменившись внезапной, бездонной пустотой. Я рухнула в снег, теряя сознание.

Почему я не потеряла его прямо там, в храме?! — пронеслась мысль напоследок.

Сознание возвращалось нехотя, фрагментами.

Я лежала на чём-то мягком — на грубой, но толстой подстилке из овчины. С головы была снята удушающая фата и тот проклятый обруч. Волосы рассыпались по плечам влаж-

ными прядями.

Я приоткрыла глаза, стараясь не шевелиться и сохранять ровное, спящее дыхание. Я находилась в какой-то небольшой, аскетичной комнате. Каменные стены, голый деревянный стол, узкая кровать, на которой я лежала, и потрескивающий в углу камин. Видимо, мы остановились на одном из постовых дворов у городских ворот. Хотела осторожно приподняться, как из-за чуть приоткрытой двери в соседнее помещение донеслись голоса.

Похоже, Дарион принес меня сюда и решил все же поговорить с братом. Или Авинус сам его догнал, разъясняя ситуацию.

— Что ты там устроил? — проговорил зло Дариан.

— Не злись, брат, — отозвался Авинус. — Что оставалось делать? Эта дрянь думала, что может обмануть корону и остаться безнаказанной?

— Ну и казнил бы сам, если так хотел крови, — спокойно, почти бесстрастно произнёс Дариан. Эти слова вонзились в меня острее ножа. Ему и дела не было до обретенной жены, до моей судьбы. Я была для него не более чем неприятным последствием, досадной помехой, которую брат сбросил ему на плечи. В груди что-то болезненно сжалось. Стало так горько и обидно. Ведь я живой человек! К глазам подступили слезы, а в носу засвербело, но я держалась и прислушивалась дальше.

— Прости, ничего лучше в тот миг не пришло в голову,

— сказал Авинус, и в его тоне не было ни капли раскаяния.

— Ярость застлала глаза.

— Ты унизил меня.

— Не утрируй. Я всего лишь показал этой девке, что с королевской семьей нельзя так поступать. Ты мой брат и мы на одной стороне. И все это поняли. Это уже ты сам устроил представление в конце.

— Я не собираюсь с ней спать.

— Она красивая, хоть и «порченная».

— Женидьба не спасет положение, — перевел разговор обо мне в другую сторону.

— Кулара сказала, что только брак с ледяной розой и спасет нас.

— Меньше ты бы слушал эту ведьму, а думал своей головой.

— А твоя голова тебе не особенно помогла, когда ты сбежал от трона, — язвительно бросил Авинус, ударяя в самое больное.

В комнате наступила тишина.

— Не хочешь спать с ней... что ж, — наконец сказал король, и в его тоне появилось что-то коварное, недоброе. — Выкинь ее по пути. Пусть тогда сама замерзнет в снегах где-нибудь по дороге.

Я невольно сжалась от услышанного.

— Мне пора, — сухо оборвал разговор Дариан. — Не собирался здесь задерживаться.

— Можно подумать, там у тебя полно дел. Буртуш что-то затевает. Ты бы поговорил с ним.

— Не думаю, что он желает видеть убийцу своей дочери.

— Он всегда слушал только тебя.

— За что и поплатился.

Послышались тяжёлые шаги, приближающиеся в мою сторону. Сердце у меня в груди заколотилось с новой силой.

— Что ж... «Спасибо» за жену, брат, — бросил язвительно Дариан, распахивая дверь в мою комнату.

Я сильнее зажмурилась, делая дыхание ровным и глубоким, притворяясь погружённой в беспамятный сон. Сильные руки без церемоний подхватили меня. Он пронёс меня через комнату, на улицу, где морозный воздух обжёг лицо, а потом уложил в уже приготовленные, укрытые тёплыми мехами сани. Дверца захлопнулась, раздалась короткая команда, и мы тронулись в путь, на север, увозя меня от королевского двора, от опасных разговоров и в ещё большую неизвестность, где моя судьба висела на волоске.

Рада вам сообщить, что эта история пишется в рамках лит.моба "Морозная любовь":

<https://litnet.com/shrt/kuhK>

ГЛАВА 4

АЙРИС

Долго притворяться спящей было глупо и в конечном итоге бесполезно. Но мне не хотелось открывать глаза и сталкиваться с новой, пугающей реальностью. Спасительный, обморок давно закончился. Ничего не изменилось. Я всё так же была в этих саях. Всё так же была замужем.

Сани уносили меня все дальше от дома. Еще недавно я мечтала о побеге с Уиллом, сбежать туда, где никто нас не найдет, где мы сможем спокойно жить. Но все мечты превратились в прах. Я хотела сбежать с Уиллом, а не оказаться замужем за самым загадочным и опасным мужчиной в королевстве.

Я просила Богиню о свободе. Я так обрадовалась, что обсидиан сработал, и какое же всепоглощающее разочарование и опустошение накатило потом, когда Авинус произнёс свою страшную «милость».

Я все же открыла глаза.

Муж — странно и страшно было даже мысленно называть его так — сидел напротив, недвижимый. Его профиль, освещённый бледным светом, просачивающимся сквозь заиндевевшее окошко, был резким и напряжённым. Он смотрел не на меня, а в темноту за окном. Злость, клокотавшая в нём в храме, вроде бы стихла, растворилась в этом ледяном спо-

койствии. Но она не исчезла полностью. Она была уже не такая явная, но все же мужчина был еще напряжен.

Он никак не отреагировал на мое пробуждение. Моё осторожное шевеление под мехами, попытка устроиться поудобнее, прошли совершенно «незамеченными».

И я не знала как себя вести. Нужно ли что-то сказать? Каждое возможное слово застревало комом в горле, казалось неправильным.

Да и зачем? Пусть поскорее избавится от меня по дороге, как велел ему брат, и покончим с этим. Остановит сани где-нибудь на глухом перевале, скажет «вылезай» и уедет.

Но сани все мчали вперед, и он не отдавал приказа нигде остановиться. Сквозь щели доносился ровный гул ветра и топот лошадиных копыт. Пытка ожиданием продолжалась.

Он просто ехал, увозя меня в свои владения, и это молчаливое, необъяснимое продолжение пути пугало сильнее, чем любая прямая угроза. Оно означало, что у него все же имеются на меня планы... Какие бы они ни были, но они не ограничивались простым избавлением от груза. И это осознание заставляло сердце биться с новой тревожной силой.

Можно ли верить его словам?! Он мог их просто сказать Авинусу, а сам поступить так, как заблагорассудится. Или передумать и решить воспользоваться «щедрым» подарком брата.

«Она красива, хоть и порченная»...

Ужас все сильнее охватывал меня, было не до сна.

Мы так и ехали молча, не произнося ни слова друг другу. Я не могла заговорить первой, а почему молчал он — мне неведомо.

И вот, когда первые бледно-лиловые лучи рассвета забрезжили на горизонте, сани замедлили ход. Сквозь заиндевевшее стекло я увидела не просто бескрайние белые равнины, а скалы. Высокие, угрюмые, покрытые шапками снега и сосульками, как клыками.

Дорога сузилась, пошла вдоль края глубокого ущелья, на дне которого, не замерзая полностью, с ревом и пеной несла свои чёрные воды бурная река.

А потом я увидела Цитадель.

Она была не замком в привычном, королевском понимании. Не было высоких изящных башенок, резных балконов. Это была крепость, выросшая прямо из скалы, будто продолжение горы. И чтобы попасть к её воротам, нужно было преодолеть мост.

Мост Ворона, как я позже узнала его название. Он перекинулся узкой темной полосой над рекой, а затем устремляясь вверх. Сани остановились перед самым его началом. Лошади беспокойно заржали.

Дариан вышел из саней, его сапоги глухо стукнули по утопанному снегу, и, не оглядываясь, пошёл вперед. Его фигура, прямая и чёрная на фоне розовеющего неба, казалась неотъемлемой частью этого сурового пейзажа. Он не предложил мне помощи, просто также как в храме кивнул,

чтобы я следовала за ним.

Я выбралась из саней, и ледяной ветер с реки ударил мне в лицо, заставив вздрогнуть. За спиной возница молча разворачивал сани — дальше им пути не было. Мне оставалось только идти вперёд. Я ступила на мост, который «пел» под ногами свою жутковатую песню. Внизу бушевала вода, брызги до нас не долетали, но ярились в надежде достать путников.

Я не смотрела вниз, а на его крепкую спину, отдаляющуюся от меня, и шла, чувствуя, как сердце колотится не столько от страха высоты, сколько от страха того, что ждёт за этими воротами.

Ворота открылись беззвучно, впуская нас во внутренний двор — такой же суровый, вымощенный темным камнем. В воздухе витал запах дыма, снега и железа. И там, на крыльце главного, приземистого здания из того же серого камня, стояла женщина.

Она ждала. Я поняла это сразу. Не вышла посмотреть на шум, а именно ждала. И она была поразительно похожа на Дариана. Та же стать, те же резкие, аристократические черты лица. Подойдя ближе, я смогла рассмотреть те же глаза цвета зимней грозы, только в её взгляде не было ледяной пустоты сына — там горел холодный, пронзительный, оценивающий ум. Её темные, с проседью волосы были убраны в строгую косу, а платье, хоть и простое, сидело на ней с невероятным достоинством.

Её взгляд скользнул по Дариону — короткий, без слов, а затем приземлился на мне. И тут произошло нечто, чего я никак не ожидала. Она улыбнулась мне.

— Так это правда, сын?

Похоже, передо мной стояла моя свекровь. И она была в курсе произошедшего. Мы успели лишь доехать, а кто-то уже оповестил ее. И судя по всему она выглядела отчего-то довольной. На её строгих, аристократических чертах не было и тени того шока, осуждения или жалости, что я читала на лицах в храме. Это настораживало, заставляло внутренне сжиматься. С чего бы такое радушие?! Когда кругом злые и недовольные гримасы, даже обычная улыбка казалась подозрительной.

— Что вы здесь делаете, матушка? — холодно бросил Дариан, но все же останавливаясь перед ней. В его вопросе звучало не просто удивление, а раздражение, будто её присутствие здесь было последней каплей в его чаше терпения.

— Что и положено, — ответила она спокойно ровным и твердым голосом, — Как полагается старой хозяйке этого дома встречать новую. Традиция, сын. Основа порядка.

— Прекратите это представление. Хватит с меня этих традиций! — он резко развернулся и, не оглядываясь, тяжело зашагал прочь, в зияющую темноту дверного проёма, оставив меня наедине с женщиной.

Тишина, наступившая после его ухода, была неловкой.

Женщина медленно перевела взгляд с удаляющейся спины сына на меня. Она по-прежнему оставалась доброжелательной, одаривая меня легкой улыбкой.

— Я леди Виледа, — представилась, — Пойдем, милая.

— Айрис.

— Пойдем, Айрис, — повторила она, призывая следовать за ней.

Она не стала комментировать резкий уход сына. Лишь тонкая, почти невидимая складка у губ выдала мимолетное неодобрение, тут же сглаженное ледяным самообладанием.

— Не обращай внимания, дитя, — сказала она, и её голос звучал так, будто для неё его вспышка была чем-то вроде досадной погодной помехи — неприятной, но предсказуемой. — Он всегда бывает резким, когда возвращается из дворца. Пойдём, я покажу тебе твоё новое жилище.

Да уж, а теперь он к тому же вернулся со мной. Мне становилось не по себе от одного воспоминания о его взгляде, который не предвещал ничего хорошего.

Цитадель внутри оказалась не такой мрачной, как снаружи. Здесь не было роскоши столичного дворца, но чувствовалась основательность.

— Вот общая зала, — она показала рукой на просторное помещение с огромным камином, где на стенах висели старые, потускневшие гобелены с изображениями не драконов, а волков и северных медведей, — Здесь мы собираемся по вечерам, если того требует дело. Библиотека — там, — ки-

вок в сторону темно-красной двери, — Дариан обычно именно там проводит много времени.

Мы прошли еще по длинному коридору, и она распахнула неприметную дверь, приглашая.

Это была просторная, светлая комната, с большим окном, выходящим не на ущелье, а на внутренний двор и дальние лесистые склоны. Стены были обшиты светлым деревом, на полу — толстые ковры в сиреневых и серых тонах. Большая кровать с пологом из плотной ткани, сундук, туалетный столик с медным тазом и кувшином, кресло у камина, в котором уже весело потрескивал огонь. Было скромно, чисто и... удивительно уютно. Так непохоже на холодный шик королевских покоев в столице.

— Комната для супруги владельца цитадели, — пояснила Виледа, следя за моей реакцией, — Здесь есть все необходимое. Одежда на первое время тоже. Если что-то потребуется — скажи мне или служанке Олике. Она будет присматривать за тобой.

Она говорила так, будто моё пребывание здесь было давно решённым и абсолютно естественным делом. Ни слова об «испорченности», об обмане, об унижительных обстоятельствах брака.

— Почему? — сорвалось у меня, прежде чем я успела обдумать вопрос, — Почему вы... почему вы принимаете меня так? После всего, что случилось? Все ведь знают...

А главное — ее сын не желает этого брака и уготовил мне

другую участь. Зачем это все?!

Виледа повернулась ко мне. Её пронзительный взгляд заставил меня умолкнуть.

— В этой цитадели мы давно научились ценить не ярлыки, а суть. А суть в том, что ты теперь здесь. Ты — жена моего сына по закону и перед лицом людей и перед богами. И пока это так, эта комната — твоя. Этот дом — твой.

— Вряд ли... он... — я запнулась, не зная, как называть вновь обретенного мужа, — Вряд ли он одобрит.

— Дай ему время. Отдыхай, — закончила она, направляясь к двери, — Обед принесут сюда. Завтра покажу тебе остальное. И, Айрис... — она обернулась на пороге. — Не бойся его. Гнев Дариана направлен не на тебя. Он направлен на судьбу, на брата и на себя самого.

Все это казалось странным. Чем Виледа довольна? Тем, что ее сын привел в дом очередную обречённую жертву, чья участь, предрешена?! Правильно Дариан назвал это все представлением.

Я подошла к окну. За стеклом поднималась буря. Снег закручивался в призрачные вихри, сливая небо с землёй в одно белое, ревущее месиво. Она была такой же, как буря у меня в душе: беспроглядной и неумолимо сметающей всё, что когда-то казалось прочным и живым.

Где-то там, за этими темными лесами, был мой старый дом, Уилл, прежняя жизнь.

Я знала, что Уилл был в храме. Я мельком видела его сре-

ди стражников у дальних колонн. Его лицо было искажено мукой и бессилием. Он ничего не сделал. Он стоял как вкопанный, сжимая эфес меча до побеления костяшек, но так и не выхватил его. Что он, в сущности, мог? Броситься на короля? Его бы убили на месте, а его семья была бы уничтожена. Он выбрал долг и выживание — те самые вещи, что помешали нам сбежать. Но было так обидно. Если любовь отступает перед долгом и страхом, то во что тогда верить? Во что вообще можно верить в этом мире? Богиня и то оставила меня...

Я чувствовала не просто грусть, а полное разочарование. Сняв грязное, помятое свадебное платье, такое красивое и такое ненавистное, обнаружила на стуле простое теплое, похожее на такое же, как у леди Виледы, только сиреневое. Переделась и села на широкую кровать, закрыв лицо ладонями.

Это просто невыносимо! Почему я просто сижу и жду своей участи... Мысль о побеге, дикая и отчаянная, снова пронеслась в голове, как искра. Может, нужно бежать?! Прямо сейчас! Но я тут же бессильно опустила руки. Куда? Я не знала этих земель. За стенами — ледяная пустыня и смерть от холода за несколько часов. У меня не было еды, тёплой одежды, плана. Не было сил. Ни физических, после всего пережитого, ни душевных, чтобы снова бороться с неизвестностью. Сил не осталось...

ГЛАВА 5

АЙРИС

Не поняла, как заснула. Я просто отключилась, сидя на краю кровати, уставившись в огонь. Проснулась же резко, с сердцебиением, выскакивающим из груди, вскочив на постели в кромешной темноте. Первые секунды не понимала, где я, и лишь судорожно вглядывалась в очертания незнакомой комнаты, пока память не вернулась с ледяной, унижительной ясностью.

Весь вечер провела в мучительном ожидании. Я нервно сидела, прислушиваясь к звукам за дверью. Я ждала, что в любой момент дверь распахнется и на пороге появится Дариан. Что он явится ко мне за «исполнением супружеского долга», как того требовал королевский указ. Я представляла себе этот момент с ужасом: его молчаливое появление, тяжёлый взгляд, возможно, даже отвращение в его глазах. Я готовилась к худшему, сжимаясь внутри от страха и отчаяния.

Но он не пришёл. Часы тянулись, отмеряемые треском дров в камине и рёвом ветра снаружи. Напряжение не ослабевало, а лишь нарастало, превращаясь в изматывающую пытку. А потом, видимо, все не выдержала, и я, как была сидя, погрузилась в беспокойный сон.

За окном стояла глухая ночь. Ветер завывал с новой, свирепой силой, бросая пригоршни снега в стёкла, словно пы-

таясь вырваться внутрь.

Почему он не пришел? Появились какие-то другие дела и оставил меня на потом?

Эта неопределенность и ожидание дальнейшей моей судьбы терзало и мучило. Я была как приговорённый к казни, которого раз за разом ведут к плахе, а потом в последний момент возвращают в камеру. Нервы были на пределе.

Больше сон не шёл. Я сидела, обхватив колени, и смотрела, как тени от огня пляшут на стене, пока тёмное небо за окном не начало постепенно светлеть до свинцово-серого оттенка зимнего утра.

И тогда дверь скрипнула. Я вздрогнула.

Но в комнату заглянула молодая, круглолицая девушка с пушистыми рыжими волосами, заплетёнными в две аккуратные косы.

— Леди Айрис? — тихо позвала она, почтительно присев в неглубоком реверансе, не переступая порога, — Я ваша служанка, Олика. Леди Виледа приставила меня к вам для услуг. Простите, что потревожила так рано. Нужна какая-то помощь? Может, набрать горячей воды, чтобы умыться и смыть дорожную пыль?

Я растерялась. Мозг, застывший в ожидании одной конкретной опасности, с трудом переключался на бытовые, такие нормальные вопросы. Я просто молча кивнула, не в силах выдавить ни слова. Но этого было достаточно.

Олика шустро принялась за дело. Она вышла и вскоре

вернулась с двумя тяжелыми кувшинами — один с ледяной колодезной водой, другой, от которого шёл пар, с горячей. Она налила воду в таз, разложила на столике кусок приятно пахнущего мыла, мягкую льняную тряпицу и гребень.

— Вам помочь, леди? — спросила, видя, что я всё ещё сижу, как окаменевшая.

Мне вдруг отчаянно захотелось смыть с себя всё: и пыль дороги, и запах страха, и память о вчерашнем платье. А ещё почувствовать хоть какое-то подобие заботы, даже если оно было формальным.

— Да... Помогите, пожалуйста, — тихо сказала и встала.

Олика оказалась умелой и тактичной, но не лишённой природного любопытства. Пока она помогала мне снять платье, её быстрый, лукавый взгляд скользил по мне с неподдельным интересом. В цитадели наверняка уже разнеслись слухи, что хозяин вернулся с новой женой.

— Ох, какие у вас волосы, леди, — почтительно, но с восхищением прошептала Олика, осторожно распуская мои спутанные, тусклые от дороги косы. Её пальцы двигались бережно, но я чувствовала, как она изучает каждую прядь, — Белоснежные, как первый зимний снег, и такие густые! Таких я ещё не видела. Прямо как в сказках про ледяных... — она запнулась, не решаясь договорить, но её мысль была ясна. Как у настоящей Ледяной Розы. Этот произнесённый намёк висел в воздухе. Для неё я была живой легендой, пусть и опальной.

Никто не говорил так о моих волосах с тех пор, как мама была жива. Я закрыла глаза, позволяя ей поливать тёплой водой мою голову, втирать мыльную пену и бережно массировать кожу. Она с интересом разглядывала свою новую госпожу, пытаясь разгадать загадку. Мне бы и самой хотелось знать ответы.

Именно в этот момент, когда я стояла с мокрой головой, наклонившись над тазом, в тонкой, промокшей на плечах сорочке, которая почти не скрывала тела, дверь в комнату распахнулась с новой, более резкой силой.

На пороге застыл Дариан.

Он явно не ожидал застать такую сцену. Его взгляд, холодный и оценивающий, сначала метнулся на служанку, застывшую с кувшином в руках, а затем медленно, неумолимо приземлился на мне. На моей мокрой, обнажённой шее, на прозрачной ткани, прилипшей к плечам и спине, на всей моей беспомощной и уязвимой позе. В его тёмно-синих глазах пронеслось что-то стремительное. Возможно, раздражение от того, что застал меня в таком неподобающем виде.

В груди все задрожало от его взгляда, и я инстинктивно скрестила руки на груди, чувствуя, как по щекам разливается глущий румянец стыда и страха.

Олика ахнула и замерла. Дариан кивнул ей, указывая уйти. Девушка незамедлительно покинула комнату, оставляя меня с ним наедине.

Его лицо было непроницаемой маской, но в напряжённой

тишине комнаты, нарушаемой только завыванием ветра и моим предательски учащённым дыханием, его присутствие ощущалось как физическое давление. Он пришёл.

Я метнулась взглядом сначала по простому платью, лежавшему на кровати, а затем по свадебному, ненавистному, что валялось на полу в углу.

Хотелось броситься натянуть на себя хоть что-нибудь, укрыться от его ледящего взгляда, но пересилила этот порыв. Заставила себя остаться на месте. Бегство показалось бы слабостью, а в этой комнате, перед этим человеком, я уже чувствовала себя достаточно униженной.

Медленно, пытаясь сохранить хоть видимость спокойствия, я провела взглядом по его фигуре. И вдруг осознала, что он был в той же самой одежде, что и на свадебной церемонии. Он что, не был в своих покоях? Не переодевался после возвращения? Не отдыхал?

Взгляд против моей воли поднялся выше, к его лицу, и наши глаза встретились. По-настоящему встретились впервые. За всё время, прошедшее с момента, как он занял место у алтаря, мы не произнесли друг другу ни единого слова. Он говорил со жрецом, бросая ему отрывистые, ритуальные фразы. Говорил с братом, а потом с матерью. Но ни со мной...

Неконтролируемая дрожь тут же родилась где-то глубоко в груди и помчалась по всему телу. Но я вскинула подбородок, сделала это движение чуть дерзко, с вызовом, со-

вершенно неподходящим для моего полуобнажённого вида и шаткого положения.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он неожиданно, наконец-то соизволив обратиться именно ко мне.

Я растерялась от этой простоты и очевидности вопроса. Его взгляд, тяжёлый и неумолимый, скользнул вниз к моим скрещённым на груди рукам.

— Умывалась... — выдавила я, и мой голос прозвучал слабо и глупо.

— Что ты делаешь в этой комнате? — уточнил он, и в его вопросе появилась лёгкая, но явная нотка раздражённого недоумения.

— Ваша мать разместила меня здесь, — ответила, чувствуя, как дрожь усиливается.

Похоже, он и правда просто проходил мимо по коридору и, услышав шум и женские голоса в помещении, смежном с его собственными покоями, решил проверить источник. И теперь выглядел не просто злым, а удивлённо-раздражённым, обнаружив здесь меня, будто предмет, поставленный не на своё место.

Он не считал меня своей настоящей женой — а значит, и эта комната, по его логике, была не для меня. Ирония ситуации заключалась в том, что я была здесь совершенно ни при чём.

Хотя я и не видела на этом мужчине никаких других эмоций, кроме холодности и злости в разных ее оттенках. Умеет

ли он вообще улыбаться? Сомневаюсь...

Казалось, его лицо было создано для того, чтобы хранить суровость и отталкивать любое проявление тепла.

Он сделал резкий шаг вперёд, и я тут же отшатнулась назад, наткнувшись спиной на край стола. Жест был жалким и бесполезным — будто я и вправду могла ему что-то противопоставить, захоти он что-то сделать. Но инстинкт самосохранения оказался сильнее разума. Он был очень высоким, широкоплечим, и в его движениях чувствовалась сила, от которой веяло первобытной, необузданной опасностью. И он ужасно пугал.

Заметив мою реакцию, мужчина резко замер. Его взгляд ещё раз, быстрее и оценивающе, прошёлся по моей промокшей сорочке, по мокрым, тяжёлым прядям волос, спадающим на плечи, по всему моему жалкому, испуганному виду.

— Скажи ей, чтобы поселила тебя в другой комнате.

Несмело кивнула.

Он развернулся, намереваясь уйти, оставив меня одну. Но что-то внутри меня, уже измученное неопределённостью, вдруг прорвалось наружу.

— Подождите! — вырвалось у меня, и я сама испугалась собственной смелости.

Он остановился, но не обернулся, лишь слегка склонил голову набок, давая понять, что слушает.

Я сделала глубокий, дрожащий вдох, собирая всё своё мужество, которого оставалось уже на донышке.

— Что будет со мной? — спросила в спину.

Дариан все же обернулся.

И я тут же пожалела о своей смелости.

Он же уже что-то решил по моей судьбе? Наверняка же решил...

— Ты же понимаешь, что навлекла на себя? — произнес он вместо ответа.

Я сглотнула, пытаюсь найти слова.

Конечно, я понимала, что играть с королем опасно, но все же надеялась на Богиню, на что-то, что внутри сопротивлялось и настоятельно просило сопротивляться... И вот к чему привела эта вера.

— Вы убьете меня? — сорвалось с уст, — Позвольте мне просто уйти... А всем объявит о моей смерти... Я уйду так далеко, что никто никогда не найдёт. Вы будете свободны от этого... брака.

Язык заплетался, но отчаяние заставляло молить. Я была уже готова броситься ему в ноги.

Он грубо схватил меня за запястье, притягивая к себе. Я вскрикнула от неожиданности и боли.

— А вот эту вязь, — прошипел он, поднося мою руку к моим же глазам, — ты как сотрёшь с нашей кожи?

Я замерла, смотря на своё запястье. Там, под его пальцами, на бледной коже, отчётливо виднелся сложный, изящный узор в виде переплетающихся листьев и тонких ветвей.

Брачная вязь. Магическая печать, проявившаяся после

обряда в храме. Совсем забыла о ней.

Обычно, после... консумации брака, к листьям добавлялись цветы, завершая узор, делая его полным и неразрывным. Пока рисунок незакончен — для любого очевидно, что брак не состоялся в полной мере, что у нас не было близости.

Как и то, что пока эта вязь была на коже — хоть в виде листьев, хоть в виде полного цветущего узора — это значило, что носительница жива.

— Ты думаешь, всё так просто? — проговорил с сарказмом, — Уйду, и всё. Этот знак виден всем. Он говорит, что ты жива. И что ты — моя жена, пусть и в самом формальном смысле. Бегство тебя не скроет. Ты привязана к этому месту, к этому статусу, ко мне этой проклятой меткой. Ты навлекла на себя не просто гнев короля. Ты навлекла на себя плен магии и долга, из которого нет лёгкого выхода. Так что забудь о своих простых решениях. Их для тебя больше нет.

Я стояла, чувствуя, как по запястью, под его пальцами, будто пульсирует этот магический узор — символ моей новой жизни. Точнее, ее окончания. Бежать было бесполезно. Остается один вариант — умереть.

Только смерть освобождала и меня, и его.

Он оттолкнул меня, и я рухнула на пол. Ноги, и без того дрожащие и слабые, тут же окончательно подкосились, отказавшись держать тело.

Дариан смотрел сверху, и я ждала — удара, пинка, при-

каза убраться с глаз долой. Ждала, что это падение станет первым шагом к тому концу, который теперь казался единственным выходом.

Но он просто развернулся и ушёл.

ГЛАВА 6

АЙРИС

Стоило Дариану уйти, как вернулась служанка.

— Госпожа, — бросилась Олика ко мне, призывая подняться, — Ну что же вы на холодном полу... Вставайте, прошу вас. ... Сейчас я помогу вам высушить ваши прекрасные волосы и переодеться.

Какая я госпожа? Бесправная пленница...

Как же так?! Я не подумала о брачной вязи. Ведь она только у драконов, у обычных людей этого нет. А теперь я жена дракона! И на мне его метка...

Но почему он просто не убьет меня?! Зачем это все?! Или хочет наиграться со мной перед смертью?!

— Вот, смотрите, — нарушила мои мрачные размышления Олика, вынимая из складок своего передника небольшой, гладкий камень тёмно-багрового цвета, от которого исходило приятное тепло, — Я сбегала и попросила у леди Виледы согревающий драконий камень. С ним ваши волосы высохнут в разы быстрее, чем у огня, и не будут пушиться. Леди сказала, что вам он сейчас нужнее.

Этот простой знак заботы, исходивший от свекрови, сбивал с толку ещё сильнее.

Олика тем временем уже деловито усадила меня в кресло у камина, принялась осторожно промакивать мои воло-

сы полотенцем, а затем, обернув их тканью, вложила внутрь тёплый камень. Действительно, влага начала уходить почти ощутимо.

Девушка подошла к шкафу и достала оттуда платье из плотной шерсти благородного тёмно-синего цвета, с длинными рукавами и высоким воротником.

— Пойдемте, я провожу вас к завтраку в малую столовую к леди Виледе.

Я хотела отказаться и остаться здесь, но вспомнила, что Дариан велел убраться из этой комнаты.

— Хорошо, — тихо согласилась, принимая из её рук платье.

Малая столовая оказалась вполне уютным, светлым помещением с окнами, выходящими во внутренний дворик. Стол был уже накрыт. Простая, но сытная пища была уже расставлена: тёплый ржаной хлеб с хрустящей корочкой, масло в глиняной миске, кусок запечённой в травах речной рыбы... А дымящийся кувшин с настоем лесных ягод пах так соблазнительно, что у меня невольно заурчало в животе. Я ела в последний раз вечером накануне свадьбы. И то тогда от волнения кусок в горло не лез.

Леди Виледа уже сидела во главе стола, прямая и невозмутимая. Она медленно отпивала из глиняной кружки, и её взгляд, спокойный и оценивающий, встретился с моим, когда я застыла на пороге.

— Садитесь, Айрис. Не стойте в дверях. Вам нужно под-

крепиться, — сказала она, указывая рукой на стул справа от себя.

Я молча подчинилась.

Мы ели несколько минут в тишине, нарушаемой только звуками приборов. А потом я решилась заговорить.

— Ваш сын... сегодня заходил и сказал, чтобы мне выделили другую комнату.

— Не говорите глупостей, Айрис. Супруга должна жить в смежной комнате мужа. Это правило. Оно существует не просто так.

— Ваш сын этого не желает и приказал, чтобы я покинула те покои.

— Я поговорю с ним.

— Пожалуйста, не стоит! — вырвалось испуганно. Меньше всего мне сейчас хотелось, чтобы Дариан думал, будто я жалуюсь, ищу защиты у его матери, строю против него какие-то козни. Хотя, если рассуждать логически, это было бы самым правильным шагом — заручиться ее поддержкой. Ведь в действительности она единственная, кто хорошо относится ко мне. Но именно это неожиданное радушие и вызвало подозрения. Казалось, за ним должно было что-то стоять.

— Леди Виледа... Для чего это все? Вы же знаете, что приказал сделать король... Этот брак просто... мое наказание... Зачем вы... пытаетесь показать меня хозяйкой в этом доме, как будто я и вправду... ваша невестка?

— Дитя, я научилась верить не только в злую волю людей, но и в промысел богини.

Она помолчала, её взгляд стал отстранённым, будто она смотрела сквозь стены в далёкое прошлое.

— А Авинус... — её тон стал резче, она поджала недовольно губы, — В нём слишком много от его матери, второй жены моего покойного мужа. Она всегда думала, что умнее и хитрее всех, строила козни, плела интриги, а на самом деле была лишь пешкой в руках более сильных магов и в собственных амбициях. Авинус унаследовал это слепое тщеславие.

Она глубоко вздохнула, и в этом вздохе была тяжесть многих лет, прожитых в тени трона.

— Впрочем, — махнула она рукой, будто отмахиваясь от роя назойливых воспоминаний, — тебе, наверное, неинтересны старые дворцовые сплетни о моей жизни. Просто знай: Дариан похож на своего отца. На настоящего короля. У него есть честь, есть чувство долга, и он видит суть вещей, даже если она причиняет ему боль. Но... — она сделала паузу, и её голос стал тише, — даже самый мудрый и сильный правитель, ослеплённый горем или чувством вины, может принять неверные решения. Может оттолкнуть то, что послано ему для спасения. И тогда кто-то должен напомнить ему о здравом смысле.

Она снова посмотрела на меня прямо, и в её взгляде не было уже материнской ласки, а что-то иное. Виледа смотрела

на меня как умудрённая годами и потерями женщина, которая с высоты своего опыта терпеливо, почти снисходительно разъясняет очевидные для неё, но недоступные ребёнку истины.

— Вы ошибаетесь... — никакой я не «промысел богини». Я уже потеряла веру и больше не хочу так обжигаться.

— Возможно, — согласилась она с удивительной лёгкостью, но в её согласии не было уступки, — Но вы останетесь в тех покоях. Я поговорю с сыном. А ваша задача, Айрис, — просто быть. Обживайтесь. У нас здесь не так плохо. Посетите оранжерею.

Я была не согласна, но спорить не стала. Она излучала такую уверенную власть, что любое возражение казалось детским лепетом. Я молча кивнула, опустив глаза.

К тому же Леди Виледа, как и любая любящая мать, считает своего сына хорошим, несмотря ни на что, прощает ему многое. Она видит в нём отголоски великого отца, честь, долг. Мне же достанется другая сторона, которая ей неизвестна, которая не предназначена для матери.

Закончив завтрак, я направилась к себе. Олики рядом не было и я боялась заплутать в коридорах.

Немного попетляв, с облегчением вышла в нужный, знакомый коридор с резными стенами. А уже подходя к комнате, замерла, услышав из приоткрытой соседней двери голоса. Мужской голос, низкий и жёсткий, принадлежал, без сомне-

ния, Дариану, а вот женский был незнаком...

— Валери, я устал, — прозвучал голос Дариана из-за двери. Он звучал не просто устало, а опустошённо, как будто в нём не осталось ни капли сил даже на гнев.

— Я понимаю, Дариан, но...

— Чего ты от меня хочешь?! — буквально прорычал. С этой девушкой он позволял себе гораздо больше эмоциональности, чем со мной. В его тоне сквозили раздражение и какая-то отчаянная прямота, которая говорила об одном — с этой девушкой они были достаточно близки, чтобы не притворяться.

— Чтобы я её убил?! Так?! Или, может, ты тоже считаешь, что она послана богиней, как утверждает мать?!

Кровь отхлынула от лица. Речь шла обо мне. Я дернулась, как от удара, и задела плечом высокую напольную вазу. Она закачалась и с оглушительно громким звоном в тишине коридора рухнула на каменный пол, разбившись на осколки.

На шум моментально распахнулась дверь. Я застыла посреди хаоса, не зная, куда деться, что сказать. Я не собиралась подслушивать, но выглядело это иначе. Но они могли подумать именно так.

Глаза Дариана горели тёмным, усталым огнём. Он тяжело, с присвистом выдохнул, увидев меня. По его лицу будто прошла судорога боли. Он скривился, сжав челюсти, и... не сказав ни слова, захлопнул дверь, оставив меня наедине с разбитой вазой и той самой девушкой, которая теперь вы-

шла в коридор.

Она впиалась в меня взглядом. Оценивающим и цепким.

— Ты, должно быть, Айрис? — спросила она ровно, без дружелюбия, но и без открытой враждебности.

— Да, — прошептала, чувствуя себя полной идиоткой среди осколков, — А вы?

— Я Валери Рудсон. Воспитанница леди Виледы, — представилась, но намеренно опустила какую-либо деталь, объясняющую её присутствие в покоях Дариана и её роль в его жизни.

Я не ревновала. Мысль об этом даже не возникла. Напротив, в моём нынешнем положении это было бы даже... великолепно! Если бы у него и вправду была такая женщина. Красивая, уверенная в себе. Тогда его ярость и нежелание иметь со мной ничего общего обретали бы понятную, человеческую причину. Ведь он был свободным мужчиной до этого навязанного брака. А передо мной стояла настоящая красавица: молодая, лет двадцати пяти, голубоглазая, с тёмными, чуть вьющимися волосами.

С замечательной фигурой, которую не скрывало простое, но хорошо сшитое платье с открытым верхом, демонстрируя округлости.

Но я не понимала его поведение. Почему он не представил нас? Почему просто захлопнул дверь, оставив нас двоих в

этой неловкости? Похоже, мы все ему страшно надоели, и он желал наконец остаться в одиночестве. И, пожалуй, лучше было действительно оставить его в покое. Потому что по его последнему взгляду, мелькнувшему перед тем, как дверь захлопнулась, было чётко заметно: он был на пределе. И следующий, кто потревожит его, может сильно пожалеть об этом.

Я просто молчала, ждала ее реакции. Так как те слова, сказанные Дарианом о моем возможном убийстве, висели в воздухе. При всех видимой благожелательности, не уверена, что она мне союзница, как леди Виледа.

Её взгляд был слишком любопытным и заинтересованным моей персоной. Очевидно же, что если у неё с ним действительно были романтические отношения, то моё появление в цитадели в статусе законной жены должно вызывать у нее недовольство.

Но нам, по сути, было нечего делить. Видов на этого мужчину я не имела. Напротив, я была заинтересована в том, чтобы он никогда не переступал порог моей комнаты, и наш брак так и оставался чисто формальным и неподтвержденным.

— Я, пожалуй, пойду в свою комнату, — молчание затягивалось. Она тоже не понимала как со мной общаться и что от меня ждать. Но я видела, какой все же красноречивый взгляд она бросила на дверь. Ей тоже было не по душе мое проживание в этих покоях. Я не обязана была перед ней оправдываться или отчитываться. Пусть, если ее это так вол-

нует, поговорит со своей наставницей. Может, ей удастся ее переубедить отселить меня, и никого не злить. Я не против!

Я закрыла за собой дверь, прислонясь к ней спиной. За смежной находился злой Дариан. Так близко...

Но вся эта ситуация была откровенно странной, в ней не хватало ключевых деталей. Почему тогда леди Виледа так рада моему присутствию, если с её сыном рядом ее воспитанница? Что-то беспокоило меня. Если бы они просто не успели пожениться, она бы так ко мне не относилась. Да и сама Валери... отчего она не боится Дариана, зная, что он убил предыдущих жен... Это же правда, он сам подтвердил это брату... Или ей все равно?

Я бросила взгляд за окно. Метель, бушевавшая всю ночь и утро, наконец утихла.

Я подошла ближе и коснулась стекла, проводя пальцем по причудливому морозному узору, и тут под ладонью что-то вспыхнуло. Именно в том месте, где палец соприкоснулся со льдом. Короткая, серебристая искорка. Будто крошечная молния между моей кожей и стеклом. Я испугалась. Она была настолько неожиданной и неестественной, что я дёрнулась и отпрянула, чуть не вскрикнув.

Она точно исходила от меня. Я замерла, разглядывая свою ладонь. Похоже, это и был тот самый «дар». Не просто абстрактная способность заставить кристалл цвести, а что-то живое, дремлющее во мне и теперь начинающее потихоньку

просыпаться. В сердце словно кольнуло — остро и пронзительно, а затем по всему телу разлилось странное сладостное ощущение. Он был пугающим, но и невероятно манящим. Этот пробуждающийся дар словно тянул меня, манил прочь из этих каменных стен, на улицу, под открытое небо, к природе... Желание вырваться стало почти физическим.

Но можно ли мне просто так покидать цитадель? Я была не гостьей, а... кем? Пленницей? Женой? Чтобы не навлечь на себя новый гнев хозяина, который и так был на взводе, может, стоит спросить разрешения у леди Виледы?

Я глубоко задышала, пытаюсь унять дрожь, пробежавшую по телу от вспыхнувшей искры и от этого внезапного желания бежать на волю. Мне нельзя показывать, что дар у меня остался, что я не лишилась его. Что магия ледяной розы всё ещё живёт во мне. Иначе... Я даже боялась представить что тогда? Я обманула самого короля. Меня вернут Авинусу?! А что сделает Дариан, узнав, что его «испорченная» жена на самом деле является тем самым сокровищем... его реакция совершенно непредсказуема.

Но как скрывать то, о чём я сама почти ничего не знаю? Я не умела управлять этим даром. Я даже не понимала его природы. Только легенды, передававшиеся из уст в уста. Это дикая, необузданная сила, которая проявляется спонтанно. Как удержать её в узде? Как предотвратить следующую случайную вспышку, которая может выдать меня в самый неподходящий момент?

ГЛАВА 7

АЙРИС

Быть может, есть способ избавиться от дара?! Я вновь хочу стать прежней. Эта мысль, слабая и почти безнадёжная, теплилась в глубине души, как последний уголёк. Я должна все выяснить и узнать как можно больше о нем. Может, у неё есть обратная сторона — способ погасить её, изгнать из себя.

Дома у меня не было времени — все произошло слишком стремительно, а во дворце меня заперли в комнате без возможности покидать ее, готовя к церемонии.

Сейчас я могла быть королевой, лежать под жирным пузом Авинуса, удовлетворенного и блаженного, что он активировал дар, впустил его в себя, захмелев не только от вина. Он стал бы не просто мужем, а хозяином моей магии. Меня передёрнуло от одного лишь мысленного образа, по спине побежали мурашки отвращения. Физическое отторжение было настолько сильным, что меня затошнило в реальности.

Я чувствовала себя какой-то неправильной. Любая другая девушка в королевстве, мечтала бы оказаться на моём месте, даже фавориткой короля, не то что официальной женой и носительницей легендарного дара. Это был путь к неслыханной власти, богатству, влиянию. А я просто хотела сбежать.

Мама воспитала меня иначе. Она научила меня, что есть вещи ценнее тронов и титулов: собственная воля, честь, пра-

во распоряжаться своим сердцем и телом. Она говорила, что сила — в умении оставаться собой, даже когда весь мир пытается тебя сломать. И я не могла по-другому. Не могла предать её память и саму себя, превратившись в покорный инструмент для чужих амбиций.

Отец же твердил только о долге и предназначении. Уговаривал смириться, принять «дар богини» как свою судьбу.

Мне повезло, что я вспомнила единственный способ, который знала. Старую легенду, услышанную когда-то краем уха: невинность носительницы дара — ключ.

Но что если другого способа и нет?

Если мою невинность возьмет дракон, то пути назад не будет. Ледяная роза расцветёт в полную силу, пустив корни в чуждую мне кровь, и я навеки стану привязана к этому роду, к этой магии. Я не желала этого.

Но тогда оставался один путь — измена. Осквернение дара намеренно, с простым человеком. С Уиллом я бы смогла... мысль о нём, о его тёплых руках и знакомом запахе, вызвала острую, режущую боль в груди. Это могло бы быть даже не насилием над собой, а... продолжением нашей любви, отчаянной попыткой сохранить что-то своё. Но он отказался.

Сейчас я чужая жена. Пусть ненужная и ненавистная.

Мысль о преднамеренной измене с кем-то незнакомым вызывала во мне такое же отвращение, как и брак с Авинусом. Я должна что-то придумать! Остаться в этом подве-

шенном состоянии, ждать, когда Дариан, под давлением матери или по какому-то своему расчёту, вдруг решит «воспользоваться» своим правом мужа, было невыносимо.

Дариан сказал, что решения нет. Он наверняка бы знал, если можно было расторгнуть этот брак. Освободить нас обоих...

В дверь постучали. Я вздрогнула. Но это была всего лишь Олика.

— Госпожа, вам что-нибудь нужно?

— Да, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал увереннее, — Можешь принести мне шубу? И обувь с шапкой, — порыв, возникший у окна, снова нахлынул с новой силой. Меня слишком тянуло на воздух, прочь из этих каменных стен. Я не могла больше оставаться в цитадели!

— Шубу? — Олика удивлённо переспросила, — Вы... пойдёте на прогулку?

— Да, — кивнула, — На прогулку. Мне нужен воздух...

— Хорошо, — проговорила, явно сомневаясь, но все же ушла выполнять просьбу или докладывать хозяевам о моем решении.

Вскоре Олика все же вернулась с длинной светло-коричневой шубой, с густым мехом по краям и на воротнике, объемной шапкой-опушкой и парой мягких, тёплых сапог. Помогая мне одеться, она молчала, но её быстрый взгляд снова выдавал любопытство.

— Проводишь меня?

— Да, конечно, госпожа. — поспешно ответила она, — Простите меня, но... я сказала о вашем решении прогуляться леди Виледе, — добавила после паузы, опустив глаза.

— И что она?

— Просила вас быть осторожной. И не отдаляться от стен. Если бы она запретила, я бы точно задохнулась. Покинуть эту «клетку» было жизненно необходимо!

Олика проводила меня на выход.

Передо мной открылся внутренний двор цитадели, залитый ослепительной белизной снега и резким светом зимнего солнца. Стало так хорошо. Так легко!

Я глубоко вдохнула, и на миг показалось, что тяжёлый камень с груди сдвинулся. Оглядевшись, я увидела массивное здание конюшни в дальнем конце двора, и направилась туда.

Конюшня оказалась просторная и теплая, вполне уютная. В полумраке тихо пофыркивали лошади, переступая с ноги на ногу. И тут я заметила темноволосого мальчика лет шести-семи. Он стоял на небольшой скамеечке и старательно, с серьёзным видом расчёсывал гриву пегой лошади. Рядом дремал пожилой конюх, но мальчик явно делал это не по принуждению. В его движениях была такая нежная, почти-тальная любовь, что стало ясно — он просто любит лошадей и помогает, чем может.

— Здравствуй, — тихо сказала я, чтобы не напугать его.

Мальчик обернулся. Его лицо, розовое от усердия, было открытым и доверчивым.

— Здравствуйте, госпожа. Вы гостья его светлости? — спросил он, явно пытаясь определить мой статус.

— Да, можно так сказать, — улыбнулась, — А ты кто?

— Я Ленни. Моя мама живет в цитадели. А я тут помогаю конюху Якову. Он говорит, у меня дар.

Я улыбнулась его серьёзности. Мой взгляд скользнул по стойлам и задержался на одном из них. Там стоял конь. Не просто конь — величественное, мощное животное угольно-чёрного цвета, с блестящей, как шёлк, гривой и тёмными, умными глазами. Он был красив.

— Чей это? — спросила я, уже предугадывая ответ.

— Это Ворон, конь его светлости, — почти шёпотом, с благоговеньем сказал Ленни, — Он никого к себе не подпускает, кроме хозяина и конюха Якова. Даже на меня шипит, если я близко подойду.

Что-то внутри меня дрогнуло. Я медленно подошла к стойлу. Чёрный жеребец насторожился, замер, его ноздри дрогнули, вдыхая воздух. Ленни затаил дыхание, ожидая, что вот-вот раздастся предостерегающее ржание или удар копытом.

Но этого не произошло. Ворон тихо фыркнул и сделал шаг вперёд, протягивая свою благородную голову через ограждение. Его тёплое дыхание коснулось моей ладони. Я осторожно подняла руку и коснулась его носа. Он не отстранился. Напротив, он, казалось, наклонил голову, чтобы было удоб-

нее.

— Ничего себе! — воскликнул Ленни, его глаза стали круглыми от изумления, — Он вас подпустил!

И тогда во мне созрело решение, безумное и отчаянное. Сердце заколотилось, но не от страха, а от внезапно нахлынувшей, дикой свободы. Я посмотрела на главные ворота двора, которые сейчас были распахнуты.

Не раздумывая больше, я вошла в стойло. Ворон стоял спокойно, его тёмный глаз следил за моими движениями. Я взяла уздечку, висевшую рядом, и, к своему удивлению, без труда надела её на него. Потом вывела его в проход.

Мальчик, замороженный, наблюдал за мной.

Седло брать не стала, а просто вскочила ему на спину.

— Госпожа, вы куда?! — пискнул наконец опомнившийся Ленни.

— На прогулку! — крикнула ему, смеясь.

— Эй! — проснулся конюх и было бросил за мной, спросонья не понимая что происходит.

Но меня было не остановить...

Я легонько сжала бока коня ногами, и Ворон, понявший всё без слов, рванул вперёд.

Мы пронеслись мимо ошарашенного Якова, выскочили через широкие ворота конюшни прямо на заснеженный двор, а оттуда — к главным воротам цитадели.

Краем глаза, мне показалось, будто в одном из высоких окон второго этажа, как раз там, где находились мои новые

покои, на миг мелькнул тёмный мужской силуэт, наблюдая за мной.

Но все было так стремительно... Быть может, просто показалось...

Холодный ветер свистел в ушах, снежная пыль била в лицо, но внутри меня пело и ликовало что-то дикое, свободное и давно забытое. Я скакала, не зная куда, но зная зачем — чтобы дышать полной грудью, чтобы чувствовать жизнь, чтобы, хотя бы на время, сбегать от всех этих магических уз и прочих проблем!

Я всегда любила природу и животных. В детстве могла часами пропадать в лесу, слушая шелест листьев и пение птиц, подкармливать лесных зверьков, а дома у нас всегда жили кошки и собаки. Эта любовь казалась такой естественной, такой частью меня самой, что я никогда не задумывалась об её истоках. А может, это и было первым, самым ранним проявлением дара? Но я тут же отбросила эту идею. Нет, многие люди любят природу, не имея никакой магии. Это просто часть характера.

Ворон бежал, словно отзываясь на моё внутреннее состояние — на желание свободы, на порыв ветра в моей душе. Его мощные движения вторили биению моего сердца.

Спустя несколько минут безумной скачки, когда первая, опьяняющая волна восторга немного схлынула, я немного успокоилась. Я вспомнила про наставление леди Виледы.

Я осторожно натянула поводья, подалась корпусом назад.

Ворон, почувствовав изменение, плавно сбавил свой бешеный галоп до энергичной рыси, а затем и до спокойного шага. Он тяжело дышал, выпуская в морозный воздух клубы пара, но усталости в его движениях не было — лишь удовлетворение от хорошей пробежки.

Теперь, когда скорость перестала слепить глаза, я смогла рассмотреть местные просторы.

Впереди, за чистым полем, массивной тёмной стеной маячил угрюмый лес. А слева несла свои тёмно-синие воды река, та самая, что огибала цитадель с других ворот.

Оказывается, с этой стороны есть более удобная дорога, чем по которой мы приехали. Видимо, Дариану так не терпелось поскорее домой, что он выбрал опасный путь через узкий мост по крутой лестнице.

Я направила Ворона вправо, вдоль берега, туда, где вдали, на другом изгибе реки, виднелись дымки из труб и тёмные крыши небольшого поселения. При виде человеческого жилья стало как-то спокойнее и теплее на душе. Знание, что поблизости есть обычные люди, что мы не одни в этом суровом, бескрайнем краю, немного успокоило тревогу, засевшую внутри.

Я понимала, что сбегать глупо, там меня вряд ли укроют, но все же лучше чем ничего, и просто не помешает знать что находится поблизости.

Не решившись сильно отдаляться, развернула Ворона и неспешным шагом направилась обратно.

Цитадель словно тёмный маяк, выделялась на ослепительно-белом фоне заснеженной долины. В её приземистых, мощных очертаниях чувствовалась древняя, несокрушимая сила. Казалось, она выросла не по воле людей. Когда-то давно я читала сказку про Хозяйку Черной горы. Эта крепость тоже была похожа на дитя камня и льда, но здесь не было места сказочной справедливости. Для меня это место было лишь тюрьмой. Пусть и с тёплой комнатой и даже покровительницей, но тюрьмой, чьи стены давили на душу.

— Лошадь хозяина не дозволено никому брать, — у самых ворот меня встречал Яков, обеспокоенный наглым «воровством». Его лицо было красное не только от мороза, но и от волнения, а в глазах горело негодование, смешанное с паникой.

Я же спокойно соскочила с Ворона около конюшни.

Мальчика здесь уже не было. Надеюсь, ему не досталось из-за меня.

— Что вы себе позволяете, госпожа?! — причитал пожилой мужчина, — Кто вы такая, чтобы самовольничать?! О вас не было сообщено, — и не дожидаясь ответа, бросился осматривать Ворона, будто я могла за полчаса скачки покалечить этого исполина.

— С Вороном всё в порядке, — сказала ровно, стараясь звучать убедительно. — Он просто застоялся в конюшне. Такому скакуну нужен простор и скорость. Он сам был не прочь пробежаться, посмотрите на него. Он доволен.

— Его светлость его сам часто выгуливает! И без ваших подсказок знает, что нужно его коню! — огрызнулся Яков, но его взгляд, скользнувший по спокойному виду коня, немного смягчился.

Два дня Дариана точно не было в цитадели, так что коню просто волнуется и боится гнева хозяина, которого, судя по всему, здесь побаивались все. Его ворчание было скорее проявлением страха за собственную шкуру, чем истинной заботой о коне.

— Я Айрис. Жена его светлости.

Яков явно не ожидал такого. Похоже, не до всех еще дошли слухи о возвращении Дариана в компании супруги.

— Простите, госпожа, — стушевался мужчина, — Я волновался...

— Это вы простите, Яков. Постараюсь вас так больше не тревожить, — улыбнулась грустно, понимая, что меня ждет возвращение в комнату.

На прощанье провела ладонью по тёплой, бархатистой шее Ворона.

— Спасибо тебе, — прошептала я ему на ухо, — За сегодняшнюю свободу.

Он тихо фыркнул в ответ.

— Госпожа, наконец-то! — ко мне бросилась Олика, стояло мне войти в цитадель.

— Что случилось, Олика? — насторожилась я, останавливаясь, — Меня кто-то спрашивал? Искал?

— Нет, госпожа, — она покачала головой, но её беспокойство не унималось. — Никто не спрашивал. Но...

— Тогда зачем так волноваться? — спросила я, снимая шапку и отряхивая снег с шубы.

— Ну как же, там опасно...

— Не опаснее, чем здесь, — мрачно, но совершенно искренне проговорила в ответ, и её глаза от удивления стали ещё больше. Для неё цитадель была домом и защитой. Для меня же... здесь было действительно страшнее. В лесу опасность была явной, её можно было увидеть, а здесь опасность была скрытой, завуалированной условностями и невысказанными угрозами. Неизвестно что ожидать от здешних обитателей, те то что от лесных.

— Его светлость у себя? — поинтересовалась у служанки позже, уже отогревшись кружкой горячего пряного взвара. У меня назрела идея: нужно наведаться в библиотеку. Пора узнать хоть что-то о даре. Но я боялась встретить там мужа. Конечно, избегать его постоянно не получится, но я собиралась делать это настолько долго, насколько это возможно.

— Он... был в библиотеке, — тихо сообщила Олика, — С самого утра. Даже к обеду не вышел.

Плохо. Значит, как и говорила его мать, он действительно проводил там много времени. Библиотека была его убежищем. И теперь оно оказалось недоступным для меня именно тогда, когда я в нём отчаянно нуждалась.

К ужину меня пригласила леди Виледа. Там уже была она сама и её воспитанница Валери. Ужин снова был в малой столовой.

— Дариан слишком занят в последнее время, — заметила леди Виледа, её тон был ровным, но я уловила в нём искусственную непринуждённость, — У него много забот.

Но сдаётся мне, что он просто не хочет никого видеть, возможно, в частности, меня.

Они с Валери принялись обсуждать текущие дела: поставки провизии, состояние дорог после метели, здоровье кого-то из старейшин поселения. Их разговор был деловым, полным взаимопонимания и скрытых намёков, которые были понятны только им. Я же просто сидела и молча ела, чувствуя себя лишней.

Леди Виледа время от времени пыталась перевести разговор на меня, задавая вежливые, общие вопросы.

Я почти не слушала, погружённая в свои мысли. Отвечала невпопад, короткими, ничего не значащими фразами: «Да, спасибо», «Всё хорошо», «Очень красиво».

— Айрис, вы в порядке? — наконец, спросила леди Виледа, — Вы выглядите уставшей. Не простыли на прогулке?

— Нет. Все в порядке, леди Виледа. Спасибо, что разрешили мне.

— Вы здесь не пленница, милая.

На этих словах я заметила, как поморщилась Валери. Если для леди Виледы я могла быть «не пленницей» и даже по-

тенциальной союзницей, то для Валери же я была незваной гостьей, вторгшейся в её пространство и её отношения с семьёй, которых я даже не понимала до конца.

После ужина я долго прислушивалась к смежной двери. Ждала, что Дариан придет в свои покои, не будет же он спать в библиотеке. И когда уже стемнело, стрелки часов приближалась к полночи, наконец, дождалась...

ГЛАВА 8

АЙРИС

Я долго ждала в темноте и уже начала подозревать, что просто пропустила его приход. Может, задумавшись, не услышала, как он вошёл в свою спальню. Отбросив все остатки приличия, встала и как это делали в нашем доме любопытные служанки, прильнула ухом к поверхности смежной двери.

Но за стеной стояла тишина. Ни шагов, ни скрипа кровати... Ничего. Только моё собственное сердцебиение, отдававшееся гулко в ушах.

Сон не шёл, мысли метались будто в западню. Мне бы просто лечь и спать, но тело было сковано напряжением, а разум отказывался отключаться. Завтра днем он наверняка снова будет в библиотеке. И сколько мне тогда ждать, пока он сам покинет цитадель? Неделю? От этой перспективы стало ещё тоскливее. Может, действительно стоит дежурить у окна, наблюдать за двором?

Я с глухим стоном выдохнула, почти смирившись с этой бессмысленным ночным дежурством, понимая, как глупо выгляжу, и все же принялась раздеваться. Скинула верхнее платье, оставаясь в одной тонкой сорочке. И именно в этот момент, когда я потянулась, чтобы убрать платье на стул, из коридора донёсся звук.

Послышались тяжёлые шаги по коридору. Они приближались к моей двери, вернее, к соседней. Я замерла, прислушиваясь. Последовал скрип двери, короткая пауза, а затем — глухой хлопок, когда дверь захлопнулась за ним. Он вошёл.

На носочках, затаив дыхание, я снова подкралась к смежной двери и прижалась к ней всем телом.

Раздался неожиданный грохот, что я вздрогнула, и чуть не вскрикнула, выдавая себя, но сдержалась. А потом... все затихло.

Я ждала. Но больше звуков не последовало. В его покоях стояла тишина.

Прождав минут двадцать, которые ему наверняка хватило бы, чтобы подготовиться ко сну и лечь спать, я решилась.

Накинув халат поверх сорочки, не став назад облачаться в платье, тихонечко приоткрыла дверь и выглянула в коридор.

Ожидаемо никого. Только длинные тени от редких ночных светильников, качающихся на сквозняке.

Прихватив со столика у кровати подсвечник с горящей свечой, выскользнула наружу и прикрыла за собой дверь. Я старалась двигаться бесшумно и уверенно, но всё моё тело предательски тряслось мелкой, неконтролируемой дрожью, будто я совершаю преступление. Я всего лишь иду в библиотеку и не делаю ничего плохого.

Дёрнула дверь, но она не поддавалась сразу. У меня ёкнуло сердце. Неужели он её запирает на ночь?! Но стоило дёрнуть ещё раз, с чуть большим усилием, как тяжёлая дверь с

глухим скрипом подалась. Видимо, дело было в замке или просто в моих собственных, дрожащих руках, которые уже разучились делать самые обычные вещи спокойно.

Здесь, в отличие от тёмных коридоров, на удивление было довольно светло. Горели несколько масляных ламп, подвешенных к балкам, и догорали свечи в высоких канделябрах, будто хозяин только что отошёл на несколько минут и вот-вот должен вернуться. Это осознание заставило меня снова внутренне сжаться.

Мой взгляд сразу же упал на огромный стол у самого окна. Он был не просто завален, а утопал в хаосе знаний. Сложенные стопками фолианты в потрёпанных кожаных переплётках, развёрнутые свитки пергамента, какие-то черновики, исписанные чернилами. И также среди этого бумажного моря лежали и странные, незнакомые артефакты.

Похоже, Дариан действительно чем-то очень увлечен, так как передо мной стол не читателя, а исследователя, одержимого поиском.

Рядом на маленьком столике стоял поднос с ужином. К нему, судя по виду, даже не притронулись. А на полу, у ножки кресла, валялась пустая стеклянная бутылка из-под вина. Нет, две. Вторая лежала поодаль, будто отброшенная в сторону.

Хороши же у него дела! — мелькнула язвительная мысль, но это было не моё дело. Быть может, он просто «отмечал» женитьбу. По королевскому обычаю положено устраивать

пир, вкушать яства и лить рекой вино. А он, отвергнутый и униженный, решил отметить скромно. В одиночестве. Со своими демонами и двумя бутылками креплёного красного. За этой иронией и дешёвым сарказмом я отчаянно пыталась спрятать нарастающий страх.

Я заставила себя отвернуться от этого грустного зрелища и подошла ближе к столу. Взгляд зацепился за разворот одной из открытых книг — сложная схема с переплетающимися линиями и магическими рунами. Я узнала некоторые символы — это был древний драконий язык, тот самый, что иногда встречался в самых старых преданиях. Интерес вспыхнул, но я сразу отогнала его. Я здесь не для того, чтобы разгадывать его тайны! Я здесь для себя.

Пора было что-то найти о даре. О Ледяной Розе. О том, как управлять этой силой или, что было ещё важнее, как от неё избавиться. Я обернулась, окидывая взглядом бесконечные ряды полок, уходящие в сумрак в дальних углах зала.

Да только где искать?! Библиотека была огромна.

Но похоже, мне, наконец, повезло. Стоило мне пройти вдоль первого же ряда, отмеченного табличкой с выцветшей надписью «Генеалогия и Династические Хроники», как на глаза попались почтенные фолианты, явно посвящённые преданиям королевской семьи. Сердце ёкнуло. Ведь Ледяные Розы были не просто красивой легендой, они касались именно Чёрных Драконов, были неразрывно связаны с их правлением.

Я склонилась над нижними полками, быстро пробегая взглядом по ним: сухие летописи, списки имён, отчеты о сражениях — ничего, что кричало бы о магии или дарах. Но потом мой взгляд скользнул вверх. На самой верхней полке, почти у самого потолка на одном из корешков заметила знакомый символ.

Не раздумывая, отставила подсвечник на ближайший стол, чтобы не упасть вместе с ним, и подтащила к полке высокую деревянную лестницу. Подхватив подол халата и сорочки, принялась взбираться. Ещё чуть-чуть... ещё... мои пальцы уже почти касались желанного корешка.

Как вдруг за моей спиной дверь в библиотеку оглушительно заскрипела.

Звук был таким неожиданным и громким в царящей тишине, что я вздрогнула всем телом, потеряв равновесие. Нога соскользнула со ступеньки, лестница качнулась, и я, вскрикнув от ужаса, полетела вниз.

Но падения не последовало. Чьи-то сильные руки обхватили меня сзади, грубо, почти болезненно, но надёжно, приняв на себя всю силу падения. Мы вместе отшатнулись, спотыкаясь, и я услышала оглушительный звон разбивающегося стекла и почувствовала резкий запах алкоголя. Тот, кто поймал меня, видимо, держал в руке бутылку, которую выронил и разбил, пытаясь меня удержать.

Я медленно подняла голову на своего спасителя.

Дариан.

От него разило алкоголем, а темно-синие глаза были наполнены непроглядным хмельным туманом, сквозь который, однако, пробивался неприятный, опасный блеск.

Он был пьян.

Я тут же дернулась в его руках, инстинктивно пытаюсь вырваться из железной хватки, которая ощущалась одновременно и как спасение, и как ловушка.

Похоже, он не лег спать, а просто ушел за добавкой.

Быстро же закончилось везение. Лучше бы я упала и разбилась! Хотя если бы он не пришел, то я бы не испугалась и не потеряла равновесие.

Я и так его боялась, а тут он был еще опаснее и непредсказуемее.

— Отпустите меня, — пискнула, так как он все еще держал меня на руках и не торопился ставить на место.

— Что ты здесь делаешь? — он, наконец, поставил меня на ноги, но прижал прямо к шкафу, преградив путь собой.

Он не смотрел на меня, задавая вопрос, его голова была наклонена, и взгляд, казалось, утонул в вырезе моего халата, который распахнулся в суматохе.

Я схватилась за ворот халата, поспешно соединяя его распахнувшиеся полы на груди. Лишь тогда наши взгляды встретились.

— Я... — горло перехватило, я с трудом сглотнула, но нужно было что-то ответить, что-то правдоподобное, — Я

искала книгу.

— Почему ночью?

— Потому что днем здесь вы...

Он прищурился, становясь еще более угрожающим.

— Вы явно не желаете меня видеть... — прошептала под напряженным, давящим взглядом, его молчание было невыносимо физически.

Дверь снова заскрипела, и мы одновременно оглянулись на вход.

Я вздохнула с облегчением, надеясь на спасение, на вмешательство извне, но это был просто слуга. Молодой парень, замер на пороге, замечая нас в такой компрометирующей позе.

— Простите, — пробормотал он, опуская глаза, — Я услышал шум... Подумал, не нужна ли помощь...

— Нужна, — хрипло ответил Дариан, подзывая почти ушедшего парня жестом, — Сенни, убери тут, — он махнул рукой на осколки разбитой бутылки на полу в темно-красной луже, — И принеси новую.

— Сию минуту, — парень принялся за уборку.

Дариан отошел на пару шагов, высвобождая пространство для слуги, и я решила воспользоваться моментом и улизнуть, пока предоставился такой шанс. Сделала осторожный шаг к выходу.

— Далеко собралась? — он схватил меня за запястье, пресекая мой побег.

— В п-покои, — ответила, заикаясь от внезапности, чувствуя, как предательская дрожь пробегает по спине.

— А книга? — его тон был насмешлив, он явно ловил меня на слове.

— П-потом возьму...

— Сейчас бери, — подвел к шкафу, поднимая лестницу и приставляя ее к шкафу. Кивком указывая, чтобы я забиралась, а сам принялся держать ее основание.

Я закусила губу, делать было нечего.

С трудом забралась, ведь ноги и руки еле слушались, потянулась к желанной книге. Но в последний момент, двигая внезапной осторожностью, прихватила и соседний толстый том, чтобы не показывать, какую именно я взяла. Было страшно, но я понимала, что неизвестно, когда я в следующий раз попаду в библиотеку, похоже, он здесь полностью обжился.

Медленно спустившись, чувствуя его взгляд на своей спине, я опустила книги, отводя их чуть за спину, совсем немного, стараясь, чтобы это не бросалось в глаза. Но он, не говоря ни слова, протянул руку и взял как раз верхнюю книгу, ту, что была для отвода глаз. Его пальцы скользнули по тиснёному переплёту.

— «Союзы черных драконов. Браки и их расторжение», — прочитал он вслух медленно, растягивая слова, а я вся внутренне сжалась.

— Надеешься найти что-то про расторжение? — усмех-

нулся мрачно, перелистывая несколько страниц, — Я уже сказал, что решения нет...

— Быть может, вы что-то упустили... — что оставалось говорить? Только отвлечь внимание от второй книги.

К этому времени вернулся слуга. Он бесшумно поставил на столик поднос с уже откупоренной бутылкой темно-рубинового вина, двумя хрустальными бокалами, а также тарелками с нарезанными фруктами и мясной нарезкой. Старый поднос с нетронутым, давно остывшим ужином он также ловко забрал и удалился.

Я потянулась за своей книгой, все ещё зажатой в его руке, намекая, что я получила то, зачем пришла, и теперь собираюсь уходить. Но он не отдал её, а, повернувшись, последовал к столу, заваливаясь в глубокое кресло, продолжая наблюдать за мной пристальным, неотпускающим взглядом.

Я же стояла посреди библиотеки под его тяжелым взглядом и не знала куда себя деть.

— Налей вина, — неожиданно распорядился, опережая меня с вопросом могу ли я уйти.

Я отложила свою книгу на стул и подошла к столику, наливая в бокал рубиновую жидкость.

Как я не разлила, сама не знаю. Пальцы ощутимо дрожали, предательски выдавая всю глубину моего страха, а его неотрывное наблюдение добавляло нервозности каждому движению.

Я налила бокал почти до краёв и, сделав глубокий вдох,

поднесла к нему, на мгновение соприкасаясь с его пальцами.

— И себе.

— Я не пью. Благодарю.

— И себе налей, — повторил твердо, не принимая отказа.

Не в силах послушаться этого тона, я налила себе лишь половину бокала. Он молча указал кивком головы на пустой стул напротив. Я опустилась на его край, держась прямо и скованно.

Он осушил свой бокал быстро, почти залпом, и поставил его на стол. Затем его взгляд снова упал на меня, приглашая, нет — требуя — последовать его примеру. Я сделала маленький, осторожный глоток. Алкоголь обжёг сухое от волнения горло, заставив меня поморщиться. Сделав ещё один, чуть больший глоток, закашлялась и не стала больше пить, держа его просто в руках.

— Вы тоже что-то ищете? Про расторжение...? — спросила, набравшись смелости, потому что это тягостное, давящее молчание ужасно нервировало.

— Можно и так сказать, — произнёс он медленно, растягивая слова. Потом помолчал, его пальцы принялись бесцельно водить по ободку пустого бокала. — Почему ты отказалась от дара?

Вопрос прозвучал неожиданно прямо. Я сделала ещё один глоток горького напитка, пытаюсь собраться с мыслями, найти правильные, неопасные слова.

— У меня есть... был жених, — решила начать с правды, но этого Дариану было явно мало, он явно ждал продолжения, — Я подумала, что король... отошлет меня... мы сможем быть вместе.

Дариан склонил голову, он начал ритмично постукивать по пергаменту подушечкой указательного пальца, будто отбивая такт своим мыслям. В комнате воцарилась тишина, прерываемая только тихим тиканьем часов где-то вдалеке и этим навязчивым постукиванием.

Потом стук прекратился. Он поднял глаза. Они будто стали еще темнее, почти черные. Вся синева пропала, а зрачок стал вертикальным.

— Сними халат и подойди.

— Что?!

Я же ослышалась? Неужели мое желание выяснить что-то про дар обернулось катастрофой. Как он так резко сменил тему?!

Сердце заколотилось с такой силой, что стало трудно дышать. Я отрицательно, почти судорожно отрицательно помотала головой.

Он не шевельнулся, но в его позе, в застывшей линии плеч, появилась невероятная, звенящая напряжённость.

— Я сказал, подойди сюда.

Мне хотелось одного — сорваться бежать. Я даже бросила порывистый взгляд на дверь. Но обернувшись на Дариана понимала, что все бесполезно. В его взгляде горел драконий

огонь. Вертикальность зрачка означала, что мужчина на грани оборота.

Мне конец! Он разорвет меня на части...

Любое резкое движение станет спусковым крючком.

Да будет так!

Приняв свою участь, послушно встала, покоряясь мужу и судьбе. Губы беззвучно читали молитву. При этом ругала себя, что я еще верю в богов, которые отказались от меня.

И только подойдя к нему, я осознала, что для моего убийства ему необязательно меня раздевать.

Нет, пусть сразу убивает! Дернулась, все же намереваясь убежать, тем самым намереваясь раздраконить хищника окончательно, разозлить сильнее, чтобы он, в приступе ярости, быстро, не мучая и не узнав, что я так и не потеряла дар, лишил меня жизни... а не невинности...

Но несмотря на то что он был пьян, реакция была при нем. Дариан стремительно схватил меня за предплечье, его пальцы впились в кожу, не оставляя шансов.

— Стоять! — прорычал низко, разрывая другой рукой пояс халата, а следующим движением, грубым и непререкаемым, он усадил меня к себе на колени, зажав между своим телом и краем стола.

В этот момент в груди знакомо, предательски похолодело. Нет! Только не это! Паническая мысль пронзила мозг. Нельзя показывать, что у меня есть дар! Он почувствует, он пой-

мет! Но как остановить это...

Я застыла, прислушиваясь к себе, стараясь поймать контроль над дыханием, которое срывалось на частые, короткие вдохи. Я пыталась успокоиться, сдержать надвигающуюся волну внутреннего мороза.

А он воспользовался моим промедлением и сменил позу, усаживая меня сверху, насильно разводя мои ноги в стороны, задирая юбку.

Послышался треск ткани. Он разорвал сорочку на груди, сжимая до боли полушарие. Я вскрикнула, цепляясь за его плечи, утыкаясь лицом в его шею, задыхаясь вдобавок его ароматом. Его пальцы принялись яростно терзать слишком чувствительные от холода и грубости вершинки.

Ледяные уколы в сердце внутри заиграли с новой силой, а по телу, вопреки всему, начинало разливаться сладостное ощущение. Меня вело от дара, а мужчина, по-видимому, расценил мою дрожь и сдавленный стон иначе, как слабость и ответное желание.

— Нравится скакать верхом? — глухо донеслось до моего слуха, его губы почти коснулись уха. Это была насмешка. Все же это он был тогда у окна, или ему доложили, что я брала его коня без спроса?

— Я просто... — не успела оправдаться, как его руки сместились на мои бедра, приподнимая и резко опуская меня, имитируя скачку. Живот терся о холодную металлическую пряжку его ремня, а ниже я чувствовала твердый, угрожаю-

ший бугор под тканью брюк. Щеки горели от стыда, жар смешивался с леденящим холодом дара, мысли путались, сплетаясь в клубок ужаса и отчаяния...

— Отпустите меня. Я не хочу... — язык еле ворочался, но я все еще пыталась сопротивляться.

— Не хочешь? — он сильнее вжал меня в себя, — Я, может, тоже не хочу иметь в женах шлюху...

Его словесная пощечина немного привела в чувство, остатки разума пробивались сквозь дурманящую негу. Его грубость помогла собраться.

— Так и не делайте меня женой, — попыталась все же достучаться до него, чтобы он не продолжал и брак так и остался неподтвержденным.

Я чуть приподняла голову, откидывая рассыпанные по плечам длинные локоны, чтобы посмотреть ему в лицо, как заметила, что вязь на руке вдруг ярко вспыхнула. Из горла вырвался протяжный стон, тело пробил спазм, и я не выдержала, вцепившись зубами в его шею, прикусывая, чувствуя, как ледяной поток дара вырывается из меня через этот укус, ища выход.

Наступила тишина. Через несколько секунд я поняла, что мужчина не двигается. Его железная хватка ослабла. Оторвавшись от его кожи, покрытой странным, тонким инеем, и неверяще уставилась на его лицо. Глаза были закрыты, черты расслаблены.

Меня все еще штормило от выброса магии, но я кое-как,

цепляясь за стол, слезла с его колен. В ушах звенело, по телу пробегали мелкие судороги, а в груди зияла ледяная пустота, смешанная с остатками жгучего стыда.

Я что, убила его?!

Ужасная мысль заставила сердце упасть в пятки.

Но, приглядевшись, увидела, что его грудь ритмично поднимается. Дыхание было ровное и громкое, почти храп. Он пошевелился во сне, его голова склонилась набок, а я дёрнулась, ожидая, что он проснется и всё начнется сначала. Но он просто сопнул, ворочаясь в кресле, погруженный в глубокий сон. Казалось, даже черты лица его немного смягчились, утратив ту жесткую, гневную напряженность.

Не раздумывая больше ни секунды, нацепила упавший к ногам халат и схватила свою книгу, бросилась прочь из библиотеки.

Добежав по темному коридору, вбежала в свою комнату, прислоняясь к двери спиной, словно надеясь, что она сможет удержать мир снаружи.

Меня всю трясло. Я заходила по комнате, заламывая руки, не в силах усидеть на месте. Он был пьян. Богиня, он был отвратительно пьян! Завтра придет в себя и что тогда? Что он вспомнит? Чего мне ждать? Расправы? Или он придет требовать продолжения?

Зачем я рассказала ему про жениха. Еще бы имя назвала... Идиотка! Дар испортил мне жизнь! Осталось только,

чтобы из-за него, из-за моей глупости, пострадал ни в чем невинный Уилл!

И этот сон... Как мне удалось его усыпить? Неужели дар способен и на такое?!

Быть может, он проснется и ничего не вспомнит? Примет все за пьяный бред. Выпил он и правда немало... Эта мысль теплилась слабой надеждой.

Но слуга видел меня в библиотеке. А на столе так и осталась лежать вторая книга, та, что он взял у меня!

Не могла заставить себя вернуться за ней.

ГЛАВА 9

АЙРИС

Я принялась быстро читать книгу, пролистывая бегло длинные, скучные главы с вводной исторической информацией, желая узнать что-то новое, найти хоть какую-то лазейку, объяснение или надежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.